

Большая игра

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Евгений Горохов

Евгений Горохов

Большая игра

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Горохов Е. П.

Большая игра / Е. П. Горохов — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Добрынин видит интересные сны. Вот он бродит по пустыне с пророком Моисеем и иудеями и убивает врагов Моисея. В другом сне он в Иерусалиме убивает Иуду за предательство Иисуса Христа, а в реальной жизни убиты священник и певец. Добрынин понимает, между его снами и этими убийствами есть какая-то связь. Ему предстоит во всём разобраться. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	15
Глава 4	23
Глава 5	32
Глава 6	35
Глава 7	38
Глава 8	45
Глава 9	49
Глава 10	54
Глава 11	61
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Пролог

Луна холодным, серебряным светом освещает комнату, подчёркивая белизну обнажённых тел. Двое, стоят напротив друг друга. Один высокий, худой, словно скелет обтянутый кожей, видно каждое ребро на его грудной клетке. Второй, на голову ниже, коренастый, с хорошо развитой мускулатурой.

– Готов ли ты брат мой, жизнь отдать во имя Господа нашего? – спросил крепыш.

– О да брат! – кивнул долговязый. – И жизнь, и кровь свою отдам. Исполним, что должно нам!

Крепыш нагнулся, и поднял с пола нож. Приставив отливающее холодным светом лезвие ножа к горлу долговязого, он прошептал:

– Во имя Господа нашего! – и ударил его ножом в шею, кровь худого залила ему грудь.

Крепыш стал бить худого ножом по шее. Тот прислонился к стене, у него из горла шла кровь, он что-то шептал, но речь его была невнятна. Потом он рухнул на кафельный пол. Коренастый положив рядом с бездыханным телом нож, подошёл к раковине, смыл с себя кровь. Затем, одел валявшуюся на полу больничную пижаму.

– Да сбудется Господи воля твоя! – прошептал он и вышел в коридор.

Медленно шёл он по коридору, залитому холодным, серебряным светом.

Глава 1

5 сентября 1990 года. Казань

Я медленно иду по какому-то коридору залитому холодным, серебряным светом, а сверху, раздаётся голос:

– Оперуполномоченный Добрынин свяжитесь с дежурной частью!

Голос так напугал меня, что я, потеряв равновесие, падаю и лечу в низ. Впрочем, полёт мой не долог, я всего лишь упал на пол со стульев. Из этих самых стульев я соорудил себе ложе в кабинете, надеясь ночью поспать, пока нет заявок. Теперь вот барахтаюсь на полу среди стульев, а неугомонный дежурный орёт по громкой связи:

– Оперуполномоченный Добрынин свяжитесь с дежурной частью!

Наконец я встал и подошёл к столу, взял трубку прямой связи с дежурной частью.

– Советский райотдел милиции, оперативный дежурный Шмонов, – бодро хрипит в трубке Валерка Шмонов.

– Чего шумишь?! – я отчаянно зеваю.

– Спишь крепко, – веселиться Шмонов.

– Сколько времени?

– Четыре часа утра.

– Ну и что ты хочешь в такую рань?!

– Тут такое дело Гоша, в психушке, один шизик другого зарезал. Съезди, посмотри.

– Один псих зарезал другого! – я окончательно проснулся. – Они же не субъекты уголовного права! Чего там смотреть?!

– Гоша, это пустая формальность, но съездить нужно.

– Давай часиков в семь съезжу, – я надеялся ещё поспать.

Но дежурный не умолим:

– Нет, езжай сейчас! Неизвестно еще, какое утро выдастся. Дежурная машина ждёт тебя.

– Ладно, – буркнул я и положил трубку.

Кроваво-красный рассвет озаряет листву на придорожных деревьях. Чёрный асфальт блестит после дождя, отражая жёлтый свет светофоров и фонарей. Прекрасен спящий, утренний город, только некому лицезреть эту красоту. Пусто на улицах в такой ранний час. Рослый, сонный санитар встретил меня у главного входа.

– Здравствуйте, – сказал он, отчаянно зевая. – Владимир Семёнович, наш заведующий ждёт вас.

– А что он делает здесь в такое время? Дежурит?

– Нет, – замотал головой санитар, – мы ему сообщили о случившемся, и он сразу пришёл из дома. Живёт здесь неподалёку.

По моим наблюдениям симпатичных мужчин крайне мало. Я тоже непривлекателен, это моё мнение, свою неказистую физиономию созерцаю в зеркале каждое утро. Чем больше смотрю, тем меньше нравлюсь сам себе. Однако доктор с первого взгляда понравился мне. Почему так? Непонятно. Ведь далеко не красавец он.

Высокая, нескладная фигура, длинные, светло – каштановые волосы и борода клинышком. А глаза! Умные, грустные, и всё понимающие. Он представился:

– Велесов Владимир Семёнович, – заведующий мужским отделением.

– Добрынин Игорь Дмитриевич, оперуполномоченный уголовного розыска, – в свою очередь отрекомендовался я.

– Пойдёмте в мой кабинет, – предложил Велесов.

Происшествие наделало много шума в отделении. Больные сновали туда-сюда по коридору, с любопытством поглядывая на меня. Один из них, сухонький старикашка лет шестидесяти, бочком подойдя ко мне, тихо спросил:

– Гражданин милиционер, а вы сюда с пистолетом приехали?

Ответить я не успел.

– Дядя Ваня иди спать, – Велесов взял дедульку за локоть, и отправил в палату. Подойдя ко мне, он предложил: – Пройдёмте в мой кабинет.

Первое что мне бросилось в глаза в кабинете Велесова – два авиационных кресла.

– Провожу сеансы гипноза со своими пациентами, – пояснил доктор, перехватив мой взгляд, – садитесь и вы в одно из этих кресел. У вас утомлённый вид.

– Благодарю вас, – вздохнул я. – Но боюсь расслабиться и уснуть в кресле.

– Не беспокойтесь, – улыбнулся Велесов, – Вы узнаете об инциденте, все, что считаете нужным, но ещё и отдохнёте. Это я вам обещаю.

– К сожалению, я ограничен во времени.

– Не беда, – Владимир Семёнович встал, и достал с полки песочные часы, – наша беседа, точнее сеанс релаксации продлится не более тридцати минут. За это время вы успеете отдохнуть, и выполнить вашу работу.

– Спасибо коли так, – кивнул я. – У вас на столе книги, и отнюдь не по психиатрии. Иосиф Флавий: «Еврейские войны», Плутарх: « Параллельные жизнеописания».

– Люблю историю, – улыбнулся Велесов. – Впрочем, обо мне поговорим позже, а пока рассмотрим обстоятельства, благодаря которым, мы с вами Игорь Дмитриевич познакомились. Я приготовил истории болезней обоих участников драмы. Итак, потерпевший: Нечаев Сергей Петрович 1951 года рождения. Диагноз: шизофрения. В нашем отделении находится месяц. До этого наблюдался амбулаторно по месту жительства. Убийца: Зинченко Павел Данилович 1973 года рождения. Диагноз: парафрения, ¹у нас находится третий год.

Пока Велесов говорил, я находился в полудрёме, но мозг мой на удивление работал чётко, фиксируя каждое слово.

– Поведение Зинченко было спокойным, – продолжал Владимир Семёнович. – До сегодняшнего дня никаких эксцессов за ним не наблюдалось. Перед вашим приходом, я побеседовал с ним. Зинченко пояснил, что из столовой он похитил нож, и держал его в подушке.

– Значит, Зинченко заранее спланировал убийство. Чем же он объяснил свой поступок?

– Он заявил, что является слугой Господа. Его господин приказал ему принести в жертву Нечаева. Со слов Зинченко, кровь жертвы призовет новых слуг Божьих. Зинченко рассказал, что слышать голоса начал примерно полгода назад. Они рассказывали ему о сотворении мира.

– Наверное, познавательно слушать эти голоса, – усмехнулся я.

– Тут Игорь Дмитриевич интересно вот что: раньше Зинченко был совершенно равнодушен к религии. И вдруг он начал на память цитировать отрывки из Ветхого завета. Откуда он мог получить эти знания? Родители его атеисты, оба работают в райкоме партии. Просвещать Зинченко в вопросах религии, было не кому.

– Так что, по-вашему, голоса эти существуют на самом деле?

– Человеческая психика таит в себе множество загадок, – вздохнул Велесов. – Как скажите на милость, безграмотному проводнику верблюжьих караванов, по имени Мохаммед, могли привидеться стихи, из которых вышла целая книга. И она почитается всеми мусульманами!

– Вы говорите о Коране?

– Именно!

– Это было давно. Возможно всего лишь красивая легенда.

¹ Парафрения – наиболее тяжкая форма бредового синдрома. Систематизированный, фантастический бред.

– Может быть и так, – согласился Владимир Семёнович. – Я познакомлю вас с современными данными, описанных в моей кандидатской диссертации: в середине 70-х годов на Южном Урале, близ станции Серга, дислоцировался полк бомбардировщиков. В 1974 году случилось в тех краях небольшое землетрясение, а после него стали происходить странные события. Экипажи находящихся в воздухе бомбардировщиков, стали слышать в эфире посторонние голоса. Однажды одному из командиров экипажа, голоса приказали произвести бомбометание на населённый пункт. Больших усилий стоило лётчику не выполнить приказ голосов, и произвести посадку на аэродром.

– А не могли это быть радиоулиганы?

– Соответствующие службы проверяли эту версию. Посторонних радиопередатчиков не обнаружили. К тому же бортовые самописцы фиксирующие переговоры экипажа с Землёй и друг с другом, никаких посторонних голосов не зафиксировали. Другой случай: летом 1983 года в военный госпиталь в Новосибирске был доставлен солдат срочной службы, оператор РЛС. Его часть дислоцировалась под Красноярском. Во время лечения, которое длилось несколько месяцев, в ходе гипнотических сеансов, было установлено, что молодой человек стал слышать голоса, которые приказывали ему повредить силовой кабель. Это вывело бы РЛС из строя. Сознавая, что голоса толкают его на преступление, солдат обратился в медсанчасть.

– Воин мог умом тронуться, – вздохнул я. – Такое случается, или просто «закосить» потому что дембеля достали.

– Признаков психического расстройства у него обнаружено не было, – возразил доктор. – После госпиталя он был переведён в другое место службы. Больше голосов не слышал. Что касается дембелей, он сам был старослужащим. Из всего этого следует один вывод – мозг человека неразгаданная тайна.

– Очень интересно, – поддакнул я.

– Правда все эти сведения вряд ли вам помогут в вашем расследовании, – заключил Велесов.

– А тут нечего расследовать, – улыбнулся я.

– Следовательно, можно сказать, ваша миссия закончена?

– Да это так.

– Хорошо, – кивнул Владимир Семёнович. – Взгляните, песок ещё не весь вытек, следовательно, время у нас есть. Извините Игорь Дмитриевич, но мне хотелось бы задать вам нелепый вопрос.

– Валяйте.

– У вас проблемы с алкоголем?

– Как и у всех. А к чему этот вопрос?

– У вас усталый вид.

– Суточное дежурство, потому и вид помятый.

– Вам нет ещё и тридцати, следовательно, организм легко должен справиться с таким испытанием как бессонная ночь. По цвету вашей кожи и белков глаз легко можно догадаться, о вашем пристрастии к алкоголю. Вам следовало бы отказаться от этой пагубной привычки.

– Полностью с вами согласен, но, к сожалению, в данный момент я к этому не готов. После развода с женой, дома меня ждёт лишь кот Тимофей. Пусто как то в квартире, вот я и пристрастился к пиву. После него хорошо сплю, а иначе уснуть не могу.

– Знаете, Игорь Дмитриевич, вы мне симпатичны, и я попытаюсь вам помочь.

– Каким же образом?

– Проведу сеанс гипноза. У вас значительно уменьшится тяга к спиртному. Если вы не хотите полностью от него отказаться, то, во всяком случае, употреблять его будете меньше. Усаживайтесь удобнее, приступим.

Всю обратную дорогу я ехал в приподнятом настроении, и словно дурачок, блаженно улыбался. Хорошо, водитель дежурной машины, смотрел за дорогой, а то бы бог весть, что подумал обо мне. Едва я вошёл в дежурку, ко мне подскочил Шмонов:

– Ну, Гоща вовремя же вы приехали! На помойке, Космонавтов 12 труп криминальный.

– Кто сообщил?

– Один из жильцов позвонил, спозаранку ходил мусор выкидывать. Из отдела милиции «Танкодром» как раз собачку по следу привезли. Так что вы с кинологом прямо туда езжайте, а потом я опергруппу, и медика с прокурором подвезу.

Всякая насильственная смерть – мерзость. Умереть же на помойке, такого, пожалуй, и врагу не пожелаешь. Беднягу притащили к мусорным контейнерам ещё живого, он пытался ползти, да так и умер от потери крови. От ближайшего дома, по земле, тянулся кровавый след. По нему мы и пошли с кинологом.

– Давай я собаку вперёд пушу, – предложил тот.

– Зачем? – удивился я. – По кровавому следу.

– Нам нужны раскрытия по следу.

– Ну, коли так, пойдём делать тебе «палку», – согласился я.

– След Аракс, – скомандовал кинолог, и пёс рванул вперёд.

У первого подъезда крови не было видно, но была она у следующего подъезда. Кинолог подвёл Аракса туда. Кровавый след явно вёл по второй подъезд, однако пёс лез в соседний, первый подъезд. Кинолог волоком доставил Аракса обратно, но пёс упрямо тащил нас в крайний подъезд. Как не сопротивлялся Аракс, однако его всё же приволокли к нужной квартире, где были ясно видны капли крови.

– Стань сбоку, – сказал я кинологу. – Мало ли...

Дверь открыла включенная личность, с лицом явно не обезображенным интеллектом.

– Привет Лёлик, – поздоровался я с ним, и, оттолкнув, прошёл в квартиру.

Лёлик в отделе был личностью известной. Он явно не дружил с головой. Работал сторожем в гаражном кооперативе, а свободное время проводил в опорном пункте с участковыми. Те рады таким помощникам. Повестку ли отнести, или за водкой сбегать – всегда есть свободные ноги.

– Вы чего спозаранку? – зевая, поинтересовался Лёлик.

– Ты один дома? – спросил я.

– С отцом, – ответил Лёлик.

– А где третий? – поинтересовался кинолог.

– Ушёл, – Лелик снова зевнул. – А откуда вы знаете, что был третий?

– Вон у тебя три стакана на столе, – пояснил кинолог.

– Ванька кто там? – заорал из спальни отец.

– Милиция, – пояснил Лёлик.

Отпираться Лёлик не стал, и тут же написал явку с повинной: история самая обычная, сидели втроём, выпивали. Гость стал хамить отцу. Такого Лёлик стерпеть не мог, и два раза ударил грубияна ножом. Хлопнув с отцом по стакану водки, решили выбросить несчастного на помойку. Сделали дело, и пошли спать. Сладко почивали до нашего прихода

Утро выдалось весёлым и пригожим. Ласково грело солнышко, голуби принимали в луже водные процедуры. От отдела до дома всего две остановки, и я пошёл пешком. Всю дорогу, решая дилемму, что лучше, пропустить в пивном баре две кружки, или взять пиво с собой.

Водка коллективный напиток, и одному пить её совсем тоскливо, а мне в последнее время всё больше стало нравиться одиночество, потому я и отдаю предпочтение пиву. Дойдя до пивнушки, я неожиданно для себя решил идти спать трезвым. Сильно изумлённый самим собой, я добрался до своей квартиры на четвёртом этаже. И похоже, удивился не я один. Кот Тимофей

потянув носом воздух, и не почувствовав запаха алкоголя, в недоумении уставился на меня. Впрочем, рассудив своим мудрым, кошачьим умом, что не его это дело, позвал меня на кухню, стал требовать еды.

Позавтракав, я лёг на диван. Едва закрыл глаза, меня куда-то потянуло, да с такой страшной силой!

Глава 2

Ах, как тащило меня! Летел я с огромной скоростью, аж в ушах свистело. Потом всё стихло, и увидел я синее, безоблачное небо. Посмотрел в низ, а там какая-то каменистая пустыня, с высокой горой в центре. У подножия горы зеленел оазис. Я два года прослужил в Афганистане, часто во сне видел его пыльные дороги и крутые ущелья. Но голову даю на отсечение, пустыня, что раскинулась внизу, не афганский пейзаж. Интересно, что это за местность?

Облетев вокруг горы, я рассмотрел её отвесные склоны, а потом меня опять потянуло вверх, и снова потащило куда-то. В ушах послышался уже знакомый свист. Когда полёт прекратился, я со страхом открыл глаза: белый потолок, с люстрой посередине, а я лежу на диване. На всякий случай пощупал диван рукой, но вниз посмотреть не рискнул. Сначала для верности потрогал пол. Вставать я побоялся, вдруг ещё провалюсь и осторожно сполз с дивана. Потом долго тряс головой, прогоняя остатки сна. Пригрезится же такое! Из раздумий меня вывел телефонный звонок.

– Да слушаю, – сказал я в трубку.

– Добрый день Игорь Дмитриевич, – узнал я голос Велесова. – Извините, что побеспокоил. Вы, наверное, спали после дежурства?

– Нет, я перед вашим звонком проснулся. Как вы узнали номер моего домашнего телефона?

– Дежурный вашего отдела, оказался столь любезен, что дал мне его.

«Мудак! – со злостью подумал я о дежурном. – Первому встречному дал мой номер!»

– Не сердитесь на него, – словно угадав мои мысли, продолжал Велесов, – я умею убеждать людей. С некоторой долей самовосхваления, могу сказать, что я отличный психолог. Но звоню я вам не для того что бы хвастаться. Игорь Дмитриевич приглашаю вас к себе в гости. Посидим, поболтаем, чайку попьём.

– Хорошо, – легко согласился я.

– Вот и славно! В семь часов вечера вас устроит?

– Вполне.

– Тогда я жду, – и Велесов назвал свой адрес.

Два дома находящиеся сбоку артиллерийского училища зовутся «генеральскими». Построены они для высшего командования училища лет тридцать назад. Огромные комнаты с высокими потолками, мне выросшему в «хрущевке», показались царскими палатами.

– Я переехал в Казань из Москвы около года назад, – говорил Велесов, расставляя чашки на журнальном столике.

– Как же вы решились поменять столицу на провинцию?!

Велесов внимательно посмотрел на меня, обдумывая что-то, а потом сказал:

– Здесь очень интересная работа, а жить в Москве или в провинции, для меня нет принципиальной разницы. Главное работа! Возможностей для моей деятельности здесь значительно больше чем в столице.

Весь кабинет Велесова уставлен стеллажами с книгами. Они всюду, на полках и на письменном столе, стопкой лежали в кресле.

– Владимир Семенович, сколько же у вас книг?

– Библиотека досталась мне от деда. Он был человек с разносторонними интересами. Его сильно интересовали вопросы по истории религий. Дед знал с десяток языков, и книги ему везли со всего света.

Слушая хозяина, я взглянул на письменный стол. Там лежали фотографии каких-то гор. На одном снимке я узнал вершину, которую видел во сне. Внимательно пригляделся, точно она!

– Странно, – сказал я вслух.

– Что странного? – удивился Велесов.

– До вашего звонка я спал, во сне видел каменистую пустыню и гору. Вот эту гору, что у вас на фотографии.

– А что ещё вы видели во сне?

– Я летал, несколько раз облетел эту самую гору. Вот и всё.

– Эта гора носит название Джабель-Рам. Находится она в Иордании. Меня же интересует вот в каком аспекте. Вы слышали, что ни будь про гору Синай, и или как её ещё зовут – гора Хорив?

Я отрицательно покачал головой.

– Вот они издержки советского образования, – рассмеялся Велесов. – Религия как выражался Ленин «опиум для народа», следовательно, изучение Библии школьникам ни к чему. Одно из названий горы Синай – гора Моисея. Знаменита она тем, что по преданию на ней Моисей получил от Бога скрижали, на которых были написаны десять заповедей.

– Я что-то слышал об этом, – кивнул я.

– Это радует, – улыбнулся Велесов, – но я продолжаю: согласно Ветхому завету, Моисей провёл на горе в молитвах десять дней и ночей. Однако где эта гора? Об этом нигде не сказано. Где же на самом деле общался Моисей с Богом? В VI веке христиане именно гору Синай почитали тем местом. Но у этой версии много противников. За гору Моисея принимают горы: Рас-Ес-Сафсафех, Джабель Муса. Моё же мнение – это гора Джабель – Рам. И вот почему я уверен в этом: в послании к галатам, апостол Павел писал что гора Синай находится «...на расстоянии одиннадцати дней пути от Хорива, по дороге от горы Сеир к Кадес Верни». Именно там находится Джабель – Рам. Здесь были земли медианитян, где Моисей пас овец своего тестя Иофора. Место это действительно сакральное. Ночью там такая красота! Звёзды в небе кажутся огромными и совсем рядом. Прямо хочется потрогать их руками.

– А мне-то, почему приснилась эта гора?!

– Этого я вам пока сказать не могу. Возможно, кто-то из ваших предков побывал на ней, и информация об этом была записана у вас на генном уровне. Ведь недаром евангелист Матвей считал, что иногда сны рождаются от тайных откровений, а религиозный философ Павел Флорентийский говорил, что сновидения насквозь символично и насыщено смыслом иного мира. Однако сядьте удобнее в кресле, я введу вас в гипнотическое состояние, а после мы будем разбираться, почему гора Джамель Рам приснилась вам.

– Как поживает Зинченко? – спросил я, расслабившись в кресле.

– Продолжает удивлять. Заявил, что совершённый поступок приведёт его в Царство небесное. Уверял, что невинная кровь бедняги Нечаева призовет слуг Ялдабоафа.

– И что значит это?

– Очень интересные вещи. Раньше Зинченко цитировал Ветхий завет. Он, мог почерпнуть эти знания от кого-то из верующих, но последнее его заявление поставило меня в тупик.

– Чем же?

– Ялдабоафа – дитя хаоса, божество которое создало наш мир. О нём упоминается в раннехристианском триптихе «Тайная книга Иоанна». Об этом не каждый богослов знает. Откуда же узнал Зинченко? Впрочем, со временем мы разберёмся и с этой загадкой. Теперь расслабьтесь...

Домой я возвращался за полночь. Город, расшумевшись днём, засыпал. Звёзды в эту ночь горели особенно ярко.

« А как выглядят звезды, если смотреть на них с горы Джабель Рам?» – я посмотрел на небо, и тут кто-то сзади хлопнул меня по плечу, я оглянулся, рядом стоял смуглый, кудрявый парень.

Глава 3

Кто-то сзади хлопнул меня по плечу, я оглянулся. Смуглый, кудрявый парень стоял передо мной. Высокий, широкоплечий, с хорошо развитой мускулатурой, он был на голову выше меня. Из одежды лишь белая, льняная набедренная повязка. Схенти – так она называется. Не знаю, откуда я это знал, но то это так, а парня зовут Корей, я тоже это знаю точно. Правда, непонятно откуда?

Я посмотрел вдаль, а там, в лунном свете плыли папирусные лодки управляемые кормчими.

– Что ты Иексей всё смотришь на эти звёзды? – спросил Корей. – После того как Хоремхеб рассказал нам о созвездии Сириуса, частенько ты поглядываешь в небо.

– Понимаешь, – ответил я, – смотрю на звёзды, а оттуда на меня глядит бог Сет. Он ниспослёт мне удачу!

– Ну, это когда ещё будет?! Пока нас вздует Хоремхеб, за опоздание, – рассмеялся Корей. – А ты в небо пялишься. Пошли уже!

Путь наш лежал вдоль Нила. Велика и могуча эта река. Кормит и поит она людей населяющих берега её. Мы, живущие здесь, зовём свою родину «Кемет», что значит «Чёрная», это из-за цвета земли в нильской долине. Чужеземцы же зовут нашу землю – «Египет». Они переделали на свой лад название нашей старейшей крепости – Хи купта. Переводится как «крепость души бога Птаха». Здесь находится Большой дом правителя нашего – фараона, да будет он жив, невредим и здоров!

Серебристый диск Луны отражается на спокойной поверхности воды. От Нила идёт широкая дорога прямо к воротам храма, охраняемыми двумя каменными статуями сфинксов. Вход в храм узкий, так что пройти может только один человек. Просторный храмовый двор обнесён высокой колоннадой, заканчивающийся невысоким портиком, на краю которого сидит мой брат Элксай, щуплый паренёк с бритым наголо черепом, в такой же набедренной повязке, как и у нас с Кореем.

Схенти Элксая, опоясано широким кожаным ремнём. У нас-то ремни узенькие, потому как мы с Кореем – уабу, что значит «чистые». Корей и я чисты душой и телом, но мы всего лишь послушники храма и выполняем любую хозяйственную работу, притом не всегда чистую. Мой брат Элксай, чер-пер-анх – храмовый писец. Величина! У него широкий кожаный ремень, и золотые браслеты на щиколотках и запястьях.

– Приветствуем тебя досточтимый Элксай, – сказал Корей.

– Вы заставляете великого созерцателя Бога Сет, ждать! – холодно произнёс тот. – Это немислимо!

– Во всём виноват твой брат Иексей, – пожал плечами Корей. – Ему вздумалось зреть на звёзды, потому мы и опоздали.

Великий созерцатель Бога Сет – наш верховный жрец Хоремхеб. В Египте жрецов зовут – Хам нечер – «рабы божьи». Хоремхеб наш повелитель. Мы с Элксаем с измальства живём в храме Бога Сет, а Хоремхеб воспитывал нас.

– Ладно, – сказал Элксай, вставая, – пошли.

Мы пересекли главный зал храма, окружённый колонами по бокам, и вошли в маленькую моленную комнату, а из неё проследовали в храмовую библиотеку. Это любимое место Хоремхеба. Небольшая комната с полками, заваленными глиняными табличками и свитками папирусов. В центре у столика с резными ножками в форме лап леопарда сидит сам Великий созерцатель Хоремхеб – маленький, сухонький старичок, с бритым черепом.

– Да будешь ты во здравии многие лета о великий и мудрый! – сказал Корей, и мы поклонились.

Жрец улыбнулся своим беззубым ртом, и сказал скрипучим голосом:

– Рад видеть вас. Сядьте дети мои, разговор наш будет долгим.

– Мы готовы внимать твою мудрость, – сказал я, едва мы уселись на маленькие скамеечки.

– Мудрость моя, имеет один большой недостаток, – вздохнул Хоремхеб – это огромное количество лет у меня за плечами. У вас же молодость и сила, а знания я передам вам. Слушайте и внимайте дети мои: в стародавние времена, многие тысячи лет назад обитали в Двуречье², на берегах моря Восхода³, люди, цвет волос и кожа которых были светлы. Сам себя этот народ звал ариями. Были арии смышлены и трудолюбивы, а земля, где обитали они, плодородна. От того народ этот процветал. Арии были искусными строителями, воздвигали красивые храмы и дворцы. Становище, где обитал правитель этого народа, разрасталось.

Один из правителей, который звался Масхингашар, велел воздвигнуть каменную стену вокруг становища, дабы служила она защитой от диких племён, что в изобилии бродили вокруг. И назвал он город свой – Эреду.

Шли годы, сменялись поколения, арии процветали. У городских стен бродили орды дикарей. Они добывали пропитание своё среди отбросов, да промышляли кражей скота. Арии с успехом побивали этих дикарей, и в Эреду они могли попасть только в качестве рабов. Но дикари, за кусок хлеба, с радостью теряли свою свободу. Арии звали этих дикарей – «гору».

Постепенно людей гору в Эреду становилось всё больше. Многие из них получали свободу и право на жительство. Самые сильные и ловкие мужчины из гору, становились воинами. Один такой по имени Энкиду даже стал начальником в войске царя Гальгамеша.

В молодости Энкиду молоко звериное сосал, не умел питаться хлебом. Жил под дождём и ветром, молитв богам не возносил. И таких гору, как Энкиду было множество в Эреду.

Однажды к городу подошло племя марту – «люди смерти», так звали их арии. Но как могли эти дикари захватить Эреду с его непреступными стенами? Однако вожди марту вошли в сношение с гору, и те открыли им ворота. Ворвались марту в город и убили всех ариев. И мужчин, и женщин, и детей, никого не пощадили! И не стало Эреду.

Так как ни марту, ни гору, не смогли жить там без мудрого правления ариев, они покинули город, и стали теми, кем были – дикарями. Время и пески разрушили город. Сейчас на этом месте пустыня.

Мы жрецы тем и уважаемы, что обладаем знаниями живущих до нас поколений. И скажу я вам, что участь Эреду постигла многие города, и везде были повинны дикие племена. Звались они по-разному, но у всех у них одинаково печальная судьба. И нас живущих в Египте, может постигнуть та же участь. Наши фараоны и сановники хотят возводить себе богатые дворца и большие гробницы, а для этого требуется много рабов. В старину, когда напали на Египет пастухи-гикоксы, именно рабы поддержали их. Гикоксы смогли захватить власть. Они не были дикарями, и не пролилась тогда кровь в Египте. А что ждёт нас в будущем?

Из Синайской пустыни угрожают нам не только дикие племена, но воинственные соседи: хетты и фастимеляни. Как нам избежать опасностей?

Многие искали решения, а нашёл его жрец нашего храма по имени Осарсиф. Подсказал ему бог Диа Вол – бог Вол. Великий Бог земли и плодородия.

Немало лишений претерпел Осарсиф в молодости. Правил тогда фараон Аменхотеп IV, он объявил верховным божеством, бога солнечного света – Атона. Себя же фараон стал именовать Эхнатомом – угодным Атону. Многие жрецы пытались противостоять Эхнатону, за что и пострадали, в их числе был и Осарсиф.

² Двуречье – земли между реками Тигр и Евфрат. Территория современного Ирака.

³ Море Восхода – Персидский залив.

Объявлен он был прокажённым, и отправлен на каменоломни. Там Осарсиф сблизился с человеком по имени Левий, который был из племени, которое именовало себя ибреями. Осарсиф и жену себе взял из ибреев.

Прошли годы, и Осарсифа отпустили с каменоломней. Он поселился в городе Аварисе, где проживали потомки гикоксов. Жители Авариса избрали Осарсифа своим жрецом, а он смог вызволить из каменоломен Левия и его племя. Вскоре у Осарсифа родился сын, которого он назвал – Мосе, а ибреи звали его – Моше.

Сразу после рождения сына, Осарсиф умер. Но незадолго до своей смерти он поделился своими планами со мной, и я, стал воплощать задуманное им в жизнь.

Для начала я занялся воспитанием Мосе. Пока он рос, я придумал историю, о пленении ибреев в Египте, а Левий проповедовал её среди родов этого племени. Вскоре пришёл черёд вводить и Мосе в дело. Но как? Сочинил я легенду о происхождении Мосе. Вот какова она: много лет назад опасаясь восстания ибреев, фараон приказал убивать всех первенцев – мальчиков этого племени. В это время у Амрама и Иоховед родился мальчик, назвали они его Моше. Кстати Амрам сын Левия, но это так к слову.

Я же продолжаю: Амрам и Иоховед чтобы спасти своего сына от смерти, положили его в корзину из тростника. Они оставили корзину на берегу Нила. Там его нашла дочь фараона, и назвала мальчика – Моисей, что как вы знаете, означает «найденный в камышах».

Царица воспитывала Моисея в своём дворце. Кстати это часть правды, ибо Мосе действительно одно время жил в доме фараона. Правда дочь фараона не воспитывала его.

Легенда эта пришлась по душе ибреям! Она же объясняла, почему Моисей не говорит на языке ибреев.

Род Левия принял Моисея как своего. Его братом считался Аарон, который помогал Моисею проповедовать. Аарон стал «устаи Моисея», выражая его мысли на языке ибреев. Моисей проповедовал среди ибреев о боге Яхве, и убедил их отказаться от своих идолов. Он внушил им, что являются ибреи «богоизбранным народом», для выполнения заветов Божьих. И невдомёк никому, что племя ибреев выбрано было Осарсифом, а не Богом.

Теперь о вас дети мои. Вы так же избраны для служения Диа Волю, во имя великой цели. Не случайно я выбрал вас. Ты Корей сын Ицгара из колена левитова, потому с молоком матери впитал идеи, проповедуемые этим родом. Вы Эксаи и Иексей – безродные. Родители ваши из племени скифов, что обитают в степях на севере. Рабами сгинули они на каменоломнях. За миску чечевичной похлёбки вы пасли коз у Ицгара. Ещё в младенчестве своём, Эксаи привлёк моё внимание своей смышлённостью. Потому и взял я вас сирот в храм на воспитание. Вы выросли, возмужали, теперь пришло ваше время. Сегодня вы трое станните служителями Диа Вола, нашего бога. А сейчас дети мои вам надлежит пройти обряд посвящения. Идите за мной дети мои!

Хоремхеб поднялся, и вышел из библиотеки. Мы втроем последовали за ним. Пересекли молельню со статуей бога Сет, но не остановились у неё, а прошли в маленькую комнату. Здесь молитву возносил Хоремхеб, и всегда в одиночестве. В центре комнаты статуя быка – бога Диа Вола.

За молельной комнатой Хоремхеба, зал ритуалов. Вот туда-то и направлялся жрец. В зале нас уже ждали трое. Из них я знал только одного, здоровяка Бакенхонсу – слугу Хоремхеба. Двое других мне не знакомы. Один ещё совсем мальчишка, с едва пробивающимся пушком на верхней губе. Другой значительно старше. Его редкие, седые волосы растрепаны, а взгляд постоянно блуждал, не фиксируя внимания ни на чём. Чем-то эта парочка была похожа друг на друга.

Обернувшись к нам, Хоремхеб сказал:

– Это Ментуи и его сын Саисе. Сегодня их ждёт избавление от жизненных невзгод, и вечное блаженство в царстве Осириса.

– Вы готовы дети мои? – спросил Хоремхеб, глядя на блаженную парочку.

– О да великий! – воскликнул Ментуи.

Хоремхеб посмотрел на слугу, и тот, поклонившись, принёс два серебряных кубка, подал их отцу и сыну. Посмотрев на нас, жрец сказал:

– Дайте вино погибающему и огорчённому душою, пусть выпьет и забудет бедность свою и не вспомнит о большем страданий.

Улыбнувшись Ментуи и Саисе, жрец сказал им ласково:

– Выпейте друзья мои.

Те вмиг осушили кубки.

– Смелее Ментуи, на тебя смотрит бог Сет! – подбодрил отца жрец.

Ментуи глупо улыбаясь, взял нож из рук Бакенхонсу, потрогал лезвие.

– Милый Саисе, – обратился он к сыну, – сейчас ты увидишь светлый лик Сета, нашего бога. Готов ли ты?

– Да, – кивнул юноша.

И тут же отец ударил его ножом по горлу. Саисе захрипел, и стал медленно оседать на пол. Хоремхеб подошёл к бедняге, в руках у него была серебряная чаша в форме бычьей головы. Кровь Саисе струилась в эту чашу.

– Бакенхонсу, помоги Саисе, – приказал жрец.

Слуга взял нож из рук Ментуи, и ударил им в живот юношу. Саисе пару раз дёрнулся и затих.

– Он отправился к богу Сету, – возвестил Хоремхеб.

– А! А! А! – заорал Ментуи. – Саисе сынок, я иду следом за тобой!

Бакенхонсу вонзил нож по самую рукоять в живот Ментуи, и отец упал рядом с сыном. Хоремхеб налил вина в чашу с кровью. Поднеся её Корею, сказал:

– Здесь кровь жертвы принесённой Диа Волу, богу нашему. Пейте дети мои!

Отпил Корей из чаши той, а после пили я и Элксай.

– Теперь вы и дети ваши, и дети детей ваших, из поколения в поколение будут служить богу Диа Волу. И выполнять волю наместника его на земле. Сейчас это Моисей, а умрёт он, на его место встанет другой, вы же слуги Диа Вола всегда будете находить хозяина своего. Голос крови той жертвы, что сделана во имя Диа Вола, будет приводить слуг его к наместнику бога Диа Вола на земле. Да будет так!

Я был поражён речами Хоремхеба, и стоял в оцепенении. Однако твёрдо осознавал, повели мне жрец умереть, выполнил бы тот час же. Но он не приказал этого, а продолжал говорить:

– Завтра вы отправитесь к Моисею и будете служить ему. Становище племени его недалеко от Авариса. Вскоре надлежит вам с племенем ибреев отправиться в пустыню и жить там. Будете вы охранять землю нашу от врагов, которые могут вторгнуться к нам из пустыни. А теперь отдыхайте дети мои!

По каменистой пустыне, меж скалистых глыб, бредут люди. Тёмной лентой тянется толпа по рыжей пустыне. Сколько их здесь? Две сотни, три, четыре, пять? Кто их считал?! У кого грязное схенти на бёдрах, многие облачены в овечьи или козьи шкуры. Мужчины и женщины, дети и старики, все уныло тащатся по раскаленным камням. Впереди ступает Моисей и брат его Аарон. Единственные из всех нас облачены они в чистые, белые одежды. Плечи их укрыты шкурами леопардов.

Мы с Кореем шли в шагах пятидесяти от них. Брели позади Элксая, и с вожделием смотрели на кувшин, что нёс он на плече. Плескалась там сладкая сикера, настоящая из ягод вишни. Крепкий напиток, что мутит разум и придаёт веселье. Нам бы дала силы эта сикера.

Вчера Корей вернувшись из Авариса, принёс с собой вино и сикеру, и мы с ним хорошо посидели всю ночь. Вино выпили, а сикеру отобрал Элксай. Теперь мы бредём позади брата, и умоляем дать нам по глотку живительной влаги.

– О, благочестивый Элксай, у нас раскаляется голова! Не дай умереть, пожалей нас. Дай по глоточку живительного напитка. Заклинаем тебя! – стонет Корей.

– Услышь же брат мольбы наши! – хриплю я в поддержку друга.

– Эх вы греховодники, – вздохнул Элксай. – Говорил же Моисей на недавней проповеди: «В месяце Авиве, в день выхода нашего из Египта не должно находиться у тебя квасного во всех пределах твоих», а вы, всё норовите утробы свои набить вином и хмельной сикерой.

– Да будь ты милосерден! – возопили мы, теряя последние силы.

– Ладно, держите, – смилостивился Элксай, и отдал кувшин.

Мы вмиг опустошили половину, а потом наступила благодать, и сказал Корей:

– Вот теперь хорошо нам! Даже воздух стал свеж.

– Это подул ветер со стороны Камышового моря⁴, – рассмеялся Элксай.

К нашей вящей радости, Моисей приказал остановиться.

– А место это зовётся Пи-гахиров! – воскликнул Корей, повертев головой. – Я бывал тут. Значит, Моисей решил здесь устроить стоянку.

Он расшвырял камни и уселся на землю, сказал мне:

– Садись Иексей, и давай допьем сикеру. Когда кувшин наш будет пуст, исполним мы завет месшиаха⁵ Моисея, ибо не будет у нас больше квасного в пределах наших.

Допив сикеру, рыгнул я, отрыжкой святой, и, рухнув без сил на землю, захрапел.

Снились мне камни, коими полна была эта пустыня. Много камней, ветер дул, а камни шумели. Стоял сплошной гул. Однако можно было различить отдельные слова. Да это не камни! То люди кричат, а в бок меня толкает Элксай.

– Бегом к Моисею! – крикнул он.

На меня смотрел очумелым взором, включенный Корей.

– Что такое? – спросил он, скребя у себя под мышкой.

– Сейчас узнаем, – ответил Элксай. – Идите за мной!

Со стороны Камышового моря неслись четыре колесницы. Они гнались за кучкой оборванцев. Бедняги те были из нашего племени ибреев. Впрочем, теперь мы звались – народ Израильев, то есть Богоизбранный народ.

Последним бежал кривоногий старик. Он сильно отстал, и первая колесница настигала его. Рядом с возницей стоял высокий, широкоплечий египтянин. Белая, льняная, схенти контрастировала с его тёмно-коричневой кожей. На голове платок, с красными полосами. Платок этот называется – немес. С красными полосами он мог быть только у воина. Когда до старика оставалось шагов двадцать, египтянин метнул копье. Оно насквозь пронзило старика, вскинув руки, тот рухнул на камни.

Навстречу колесницам от нашего лагеря бежала толпа, с Моисеем во главе. Остановившись перед колесницей, Моисей взмахнул своим посохом, и закричал:

– Остановитесь! Это говорю вам я – Мош!

Египтянин, который только что убил старика, подняв вверх руку, крикнул:

– Хетемни-Пта, Манграх, Сарра, Бедуина остановите колесницы свои!

Когда все остановились, он продолжил:

– Я номарх⁶ сепата⁷ Гиза, имя моё да будет тебе известно, Саамон!

⁴ Камышовое море – Красное море.

⁵ Месшиах – (древне иудейское) царь.

⁶ Номарх – чиновник, управляющий административной территорией в Древнем Египте.

⁷ Сепат – административно – территориальная единица в Древнем Египте.

– Вот это да! Сам правитель Гиза! – шепнул Корей.

Поклонившись, сказал Моисей:

– Да продлятся твои годы неисчислимо, номарх Саамон. Я Мош, должно быть, ты слышал обо мне.

– Да я узнал тебя, – надменно сказал сановник. – Не мешай же мне наказывать воров, что похитили имущество египтян. Рабов за это карают смертью!

– Мой народ, не рабы! – ответил Моисей. – И тебе Саамон, должно быть ведомо по чьёму повелению мы покинули пределы фараоновы! Здесь не земли фараоновы, и не можешь ты повелевать моим народом, и карать людей моих! Кто дал тебе право на это?!

– Я же сказал! Они украли скот в селении Бадари, – высокомерно сказал Саамон. – И не тебе Мош, мешать мне! Или ты хочешь закон преступить?! Уйди с дороги и не мешай наказывать рабов!

Их было всего восемь. Кучка египтян, против огромной толпы народа Израилева, но с презрением смотрели они на нас.

– Мы не в пределах фараоновых! И не властен ты, наказывать народ мой! – возопил Моисей.

– Прочь с пути моего! Я покараю грабителей, и никто не силах помешать мне! – надменно воскликнул Саамон.

Воины его вскинули боевые топоры.

– Мы покажем вам грязные рабы, кто хозяин на земле этой! – поддержал своего начальника один из них.

И были это последние слова в жизни этого воина. Корей с силой швырнул в него камень, охнув египтянин, схватился за голову. Я в тот же миг, подняв с земли камень, вскочил на колесницу, и силой ударил возницу. Хрустнул его затылок, и повалился он на землю, а я камнем бил по голове второго, того что ранил Корей. Крики сотен глоток раздалась в пустыне, сильная боль вспыхнула в голове моей, а свет померк у меня в глазах.

Очнулся я от воды, которая лилась на меня сверху. Я открыл рот, стал глотать её. Тьфу! Солёная! Посмотрел вверх: Корей лил на меня воду из кувшина, в котором раньше была сикера.

– Вставай, – улыбнулся он. – Обопрись на меня, и пойдём в лагерь. Тебе в лицо попал камень из пращи. Я думал, ты убит, но нет, зашевелился!

Голова моя гудела и раскалывалась. Что бы она ни развалилась на части, как разбитая тыква, я держал её руками.

– А где египтяне? – спросил я, ощупывая разбухший нос.

– Убили всех, – весело ответил Корей. – Моисей приказал тела их и колесницы утопить в Камышовом море. Лошадей увели в лагерь. Там сейчас пир будет!

Корей повёл меня обратно в наш стан. Я без сил улегся на подстилку из камышей, которую соорудил для меня друг. Как плохо мне! Лишь когда наступил вечер, и принёс с собой прохладу, я заснул.

Проснулся от криков.

«Египтяне! – со страхом подумалось мне, – Начнётся побоище!»

Впрочем, испугался я зря. Войска фараонова по близости не было. Шумели возле шатра Моисея. Кряхтя, я встал, и направился туда. Толпа окружила месшиаха и Аарона. Люди кричали:

– Моисей! Зачем ты завёл нас в эту пустыню! Что бы мы погибли здесь!

– Безумные! – орал Аарон, потрясая посохом. – Моисей вывел нас из Египта от гибели!

– Стоило нас везти в пустыню на мучения, если ждёт нас голодная смерть?! – орал потрясая руками одноглазый Исаак – Гробов и в Египте достаточно. Мы могли бы и там умереть.

Моисей поднял руку, требуя тишины. Когда, наконец, все угомонились, заговорил. Речь его была невнятна, да и говорил он тихо, не разобрать слов и в двух шагах от него. За всё

время, что живёт Моисей среди народа Израильева, так и не овладел он языком этого народа, не поймешь, что и сказать хотел. Аарон объявлял волю месшиаха.

– Слушайте люди! – кричал Аарон. – Вечером завтрашнего дня будете есть мясо, и поутру насытитесь мясом. А сейчас расходитесь!

Долго ещё толпа обсуждала сказанное месшиахом, но всё же разошлись. Когда не стало никого, направился я к шатру Моисея. У входа сидел на камне Элксай и писал что-то на глиняной табличке. Я заглянул ему через плечо. Сам не знаю, зачем я это сделал, ведь тайна письма неведома мне, но брат сам удовлетворил моё любопытство.

– Послушай Иексей, как красиво написал я о стычке с египтянами: «И пошли сыны Израилевы среди моря по суше: воды же были им стеною по правую и левые стороны. И погнались Египтяне, и вошли они в середину моря. Все кони фараона, колесницы его и всадники его.

И вода возвратилась и покрыла колесницы его и всадников всего войска фараонова вошедших за ним в море. Не осталось ни одного из них».

– Откуда ты взял всё это?! – изумился я. – Не было тут ни фараона, ни войска его. Египтян то было всего восемь человек. Правда, здесь только то, что они на дне моря.

– Ты глуп Иексей, – рассмеялся Элксай. – Мы все умрём, и кости наши истлеют. Ничего не останется, а история эта будет жить всегда, и написал её я. Правда, об этом тоже никто не будет помнить.

– История что написана тобой на глиняной табличке, тоже рассыплется, – не унимался я.

– Прав был Хоремхеб, – усмехнулся Элксай. – Ты всего лишь руки, а им незачем знать планы головы. Руки должны выполнять волю головы своей. Никогда не понять тебе замыслов великих!

Ответить я не успел, Элксая позвал в шатёр Моисей.

– Возьми с собой людей, сколько нужно, – велел брату месшиах (со своими верными слугами он говорил на языке египтян), – идите в крепость Чилу. Там заготовлено для нас мясо и хлеб.

Конечно, Элксай взял с собой меня и Корея. Куда ж он без нас?! Теперь тащимся мы, по каменистой пустыни выполняя волю Моисея. Пророк наш всеведущ и мудр, он пообещал народу своему накормить всех, и потому мы верные слуги месшиаха, идём к крепости Чилу, где ждёт нас провизия. Будет у народа Израильева и хлеб и мясо!

У жёлтых валунов, что лежали около тропинки, по которой шли мы, росли какие-то кусты. На листочках кустов этих, белый налёт. Я провёл пальцем по листку, и он был белым.

– Что это такое? – спросил я Элксая.

– Это куст тамариска, – пояснил брат, – а налёт на листьях называется – манна. Говорят, она падает с неба на кусты тамариска.

Я лизнул манну.

– Сладко, – сообщил я, причмокивая.

– Молодец Иексей! – рассмеялся Элксай. – Расскажу историю, о том, как Моисей накормил народ свой манной небесной.

Удар камня, что выпущен был из пращи, давал о себе знать, голова моя кружилась, правый глаз совсем заплыл, я едва держался на ногах.

– Да ты я вижу, совсем плох Иексей, – сказал брат. – Давай отдохнём.

Я лёг на камни, и смотрел на белые облака, плывущие над нами.

– Голова раскалывается, ноги гудят, – жаловался я. – Скажи Элксай, что дальше ждёт нас?

Брат рассмеялся:

– Скуден разум твой Иексей. Ты не умнее барана, коли даже после слов Хоремхеба так и не понял всю величину замысла его. Ну, может это тебе и не к чему. Учитель Хоремхеб замыслил, а пророк Моисей воплощает задуманное. Мы же слуги его, должны исполнять приказы месшиаха. Пройдут годы, все мы превратимся в тлен. Ничего не останется от нас, даже костей

не будет. Но дело пророка Моисея, которому служим мы, будет жить. Здесь в этой пустыне зарождаются люди, тот народ, что будет хозяином всюду и везде! Нас Господь за руку ведёт, а Моисей указывает путь этот. Воистину счастлив тот, кто не сбился с пути, потому как озарён путь этот божественным светом. И частичка света того с Моисея, падает и на нас, слуг его. Ты уразумел?

– О да Элксай! – шепнул я. – Воистину счастлив тот, в ком зажжена божественная искра, и судьба ведёт его верным путём, выбирая среди множества дорог одну, верную!

Белые-белые облака плыли по небу, они такие большие, что из-за них не видно синевы неба. Снизло на меня счастье, и возблагодарил я Бога:

– Спасибо тебе всемилостивый Господь, за любовь к нам, рабам твоим. Ты всеведущ и известны тебе все помыслы наши. И потому, укажешь ты нам дорогу верную. Да будем счастливы мы, идя по дороге той.

Белые облака заслонили всю синеву неба, и стало небо белым-белым, а посредине неба виднелась – люстра.

Глава 4

Облака белые и огромные, заслонили они всю синеву неба. Теперь стало небо белым, а посредине неба люстра. И глядя в небо, говорил я:

– Господь всеведущ и укажет нам верную дорогу. Спасибо Господи за любовь твою и милость!

Тимофей сидит на подушке у моей головы, и, наклонив свою бархатную мордашку, внимательно слушает меня. А на небе облака белые, белые... Да не облака это вовсе, а потолок!

– Чёрт! Этот грёбанный египтянин мне всю рожу из пращи разбил! Как же я теперь на работу пойду?! – я соскочил с дивана.

Зеркало отражало мою включенную, сонную физиономию. И только! Никакого следа от удара камнем из пращи.

«Да это всего лишь сон, – подумал я, – но какой интересный».

Тимофей поев, смотрел в окно за воробьями. Я допивал кофе, когда зазвонил телефон, это был оперативный дежурный.

– Привет Гоша, – сказал он. – У нас криминальный труп нарисовался.

– Где?

– В строящемся доме на улице Аделя Кутуя, если ехать в сторону Дальнего посёлка.

– Найду, – ответил я, и положил трубку.

Солнышко сияло на синем небе, тополя шелестели сочной, зелёной листвой. Такая кругом благодать, что, не удержавшись, воскликнул я вслух:

– А здесь лучше, чем в Синайской пустыне!

– Ты что там был? – услышал за спиной печальный голос.

Оглянувшись, увидел своего соседа. Кучерявый Мишка лет на семь старше меня. В молодости много девчонок сохло по его кудрявой голове. Но годы идут, шевелюра Мишки поседела и поредела, и весь он стал какой-то рваный и потрёпанный. Это из-за того, что Мишка, мужик битый жизнью и собутыльниками. Всюду его сопровождает пудель, такой же драный, как и хозяин. Мишка постоянно тёрся возле пивнушки, стреляя деньги на пиво, и четвероногий друг при нём.

– Гошь дай двадцать копеек, – уныло попросил он.

– Держи, – выгреб я всю мелочь из кармана.

– А сигаретку дашь? – настырничал сосед.

– Не курю – ответил я и отправился к своему гаражу.

«Мы живём как на вулкане

И всю жизнь играем в тир

В этом тире каждый стал из нас мишенью...»

Хрипло пел Игорь Сальников в радиоприёмнике, пока я на своей «девятке» добирался до места. В последнее время этот певец стал жутко популярен. По радио, и по телевизору постоянно крутили его песни.

«Вот уж действительно какому-то бедняге не повезло, и оказался он битой мишенью» – думал я, подъезжая к стройке.

– Куда идти? – спросил у водителя дежурной машины.

– На третьем этаже найдёшь, – ответил тот, не отрываясь от газеты.

Прыгая по доскам, я кое-как добрался до места.

– Добрынин, ты живёшь в пяти минутах ходьбы, а добирался, чуть ли не час! – набросился на меня начальник уголовного розыска Минвалиев.

Фамилия у него слишком длинная, потому зовём мы его короче – Мина. С первого взгляда видно, что Мина с бодуна, потому как сильно потеет, и шибко злой. Проворчав что-то нечленораздельное, он продолжил уже спокойно:

– Плохо дело Гоша.

– Согласен с вами, нужно добираться быстрее до места происшествия, – кивнул я.

Мина пресно пожевал губами, и, вздохнув, помотал головой:

– Не в этом дело. Третий нераскрытый криминальный труп. Три убитых женщины за четыре месяца. Многовато.

– Думаете что серийщик?

– Рано пока об этом говорить, – пожал плечами Минвалиев. – Общего во всех этих убийствах только то, что все потерпевшие «синюшки». Будем разбираться. Ты пока возьми Шергина, и пройдитесь по ближайшим притонам.

Серёга Шергин – участковый инспектор. Сильно обрадованный этим заданием, он потащил меня прочь. Энтузиазм Шергина вполне объясним, после осмотра трупа, участковый должен отправить покойника в морг. Как он это будет делать, никого не интересует. И машину, и помощников, которые будут помогать грузить труп, участковый ищет сам. Естественно, что каждый околотовный старался избежать такого геморроя.

– Тут недалеко Светка Канус живёт, местные алкаши её Анус прозвали. У них день и ночь кто ни будь тусуется. Пойдём, может, что и про покойницу узнаем, – предложил Серёга.

Весело болтая о всякой ерунде, мы дошли до халупы напоминающую избушку старика в сказке «О золотой рыбке». Шергин толкнул калитку, и деловито вошёл во двор, я следом. Сзади, в собачьей будке послышалось ворчание, и я боязливо вздрогнул.

– Не бойся, это Шарик, – сказал, не оборачиваясь, Серёга. – Так для порядку рычит.

В маленькой комнате, тёмной как склеп, на кровати сидело существо неизвестного пола и возраста. Одето сие чудо было в чёрную телогрейку и линялые джинсы.

– Доброе утро тётя Маша, – поздоровался Шергин. – Как здоровье?

– Здравствуй Серёженька, – прошамкало чудо. – Поясница ноет. Видать к дождю

– А где Светка?

– В хозтовары, за динатуркой побегла. А что тебе до неё Серёженька?

– Посоветоваться хочу.

Бабка не успела ничего ответить. Хлопнула дверь, и на пороге возникла сама Светка – одутловатая девица, одинаковая, что в длину, что в ширину. На вид ей было не больше тридцати лет.

– Привет Шергин, – бросила она на ходу, и полезла за печку.

– Свет, а мы к тебе.

– Ох, ты радость, какая. На свидание решил пригласить! – засмеялась та.

– С удовольствием бы, да работы много, – вздохнул Серёга. – Труп женщины нашли, и сдаётся мне, ты её знаешь. Пойдем с нами, посмотришь.

– Ещё чего, – хрюкнула Светка.

– А я тебе за это рубль дам, – соблазнял её коварный Серёга.

– Сходи Света, помоги органу, – попросила старуха.

И мнимая заветным рублём, Светка проявила свою высокую гражданскую сознательность. Шергин хорошо разбирался в людях и знал к кому обратиться. Едва взглянув на труп, Светка заявила:

– Это Зинка с улицы Заслонова.

– Давно её видела? – спросил Минвалиев.

– А хрен её знает, и не упомню, – пожалла пухлыми плечами Канус. – С неделю уже, наверное, не навевывалась ко мне. Она всегда с деньгами приходила. Бухло, приносила, и на жизнь плакалась, когда до пьяну напивалась.

– Где она работала? – допытывался Мина.
– Нигде.
– А деньги где брала на выпивку?
– Известно как, – засмеялась Светка, – отсосёт кому за трёшку, вот и деньги. Баба она была в самом соку – смерив Минвалиева взглядом, продолжила – Ваш брат на неё сильно западал.

Мина поправил очки, и, кашлянув, ответил:

– Я с ней незнаком.

– Мы этого знать никак не можем, Рем Ринатович, – философски заметил я.

Минвалиев зло, глянув на меня, открыл, было, рот, но опередил его Шергин.

– У кого она могла зависать? – спросил он Светку.

– Да мало ли, – хмыкнула Светка. – Хотя погодь! Третёва дня, я её в магазине с Колымой видела.

– Вот это уже кое-что! – оживился Минвалиев. – Шергин, Добрынин давайте к Колыме.

– А мой рупь?! – встрепенулась Светка.

Шергин, похлопав себя по карманам, сказал:

– Должен буду.

– Ну, никакой веры мусорам нету! – взревела обманутая, обиженная, оскорблённая Светка.

– Держи, – протянул я ей металлический рубль, как-то нужно защитить честь милицейского мундира

Большую часть из своих пятидесяти лет, Юрий Малышев провёл в «зонах» и тюрьмах. Он и родился то в колымском лагере. Отсюда и кличка – Колыма. Жил он на улице Волочаевской, сплошь состоящей из бараков

– Стучаться думаю, нам смысла нет, – заметил Шергин, и толкнул оббитую дерматином дверь.

Мы пошли по длинному, тёмному коридору.

– Кого там ещё черти принесли?! – послышался визгливый женский крик из ближайшей комнаты.

– Это я Манюня, – ответил Шергин. Обернувшись ко мне, он пояснил: – Сожительница Колымы. Ты осмотри дальнюю комнату, а я кухню, и другую комнату.

Две изрядно помятые физиономии уставились на меня, едва я открыл дверь.

– Я пришёл к тебе с приветом, рассказать, что солнце встало, – продекламировал я, разглядывая их. – Доброе утро Манёк, что ж ты ночевать-то, домой не пошёл. Живёшь в двух шагах, но нет, валяешься на чужом диване.

Мучимый похмельем, Манёк старательно вспоминал моё имя. Мозг его работал на пределе возможностей, вот – вот закипит, и я, опасаясь за его разум, сказал:

– Добрынин моя фамилия. Вспомнил?

– Я понял, что ты мент, – кивнул Манёк, – а как зовут, убей, не помню.

– Убивать не буду, – смилоствился я. – Зовут меня Игорь. Может, с приятелем познакомишь? Как принято в благородном обществе.

– Нуртын, моё погоняло, – хмуро ответил тот.

– Вот и славно, а всё что мне будет нужно, я о тебе узнаю.

В комнату вошёл Шергин.

– Ну, добры молодцы, карета подана. Милости прошу в гости к нам. – возвестил он.

Оказывается, пока я мило беседовал с Маньком и Нуртыном, участковый вызвал машину.

– Ну, ехать, так ехать, – вздохнул Манёк.

Манюня с Колымой, словно королевские особы, величаво прошествовали к милицейской «буханке», следом свита, в лице Манька и Нуртына.

– Манюня сказала, что Зинка бухала с ними вчера. Все действующие лица на месте, осталось среди них вычислить убийцу, – сказал Шергин. – Кстати, Гоша, когда справку на раскрытие подавать будете, не забудьте меня включить.

Он сел в мою «девятку», я открыл дверцу водителя, и так же собирался сесть, но меня окликнула женщина вешавшая бельё во дворе:

– Молодой человек, вы Манюню с Колымой надолго забираете?

– Ничего вам пока сказать не могу, – ответил я, подойдя к ней.

– Подольше бы, – вздохнула женщина. – Надоели они со свое пьянкой. Колыма вчера в дымину был. С какой-то девахой шлялся. Упал в подъезде, и орёт: «Зинка е...твою мать, встать помоги!»

– А во сколько это было?

– Около шести вечера, – подумав, ответила женщина. – Ушли куда-то с ней, а пришёл он уже один.

К семи часам вечера все допросы были закончены. Колыма сознался в убийстве Зинки, и написал явку с повинной, а Манюня горестно вздыхая, причитала:

– Где ему Зинку зарезать, он после обеда уже на ногах не стоял. Муху убить не смог бы, не то, что эту б...ь зарезать!

Мина был страшно рад.

– Иди Игорёк отдыхай, – сказал он, довольный потирая руки. – Завтра добьем это дело.

Сам не знаю почему, но первое что я сделал, возвратившись в свой кабинет, позвонил Велесову.

– Я ждал вашего звонка Игорь Дмитриевич, – обрадовано сказал тот, едва я назвался. – Приезжайте ко мне, чаю попьём, поговорим.

Уютно у Велесова. Маленькое, удобное кресло, лампа с зелёным абажуром. Как хорошо! К тому же приятно когда тебя внимательно слушают, даже если ты просто рассказываешь свой сон. Что касается Владимира Семёновича, то он светился от счастья, слушая меня.

– Просто удивительно! Я даже не мог предполагать, что будет такой результат, когда погружал вас в гипноз, – ликовал Велесов. – Скажите Игорь, вы действительно не читали Ветхий завет?

– Никогда не читал, – подтвердил я. – Пионерское и комсомольское воспитание, не позволяли мне читать такого рода книги. Хотя бабка моя была верующей, и пыталась рассказывать о Библии, но я её никогда не слушал.

– Понятно, – улыбнулся Велесов. – О Пятикнижии вы так же не слышали?

– А что это?

– Иудеи называют её Тора, состоит она из пяти книг: Бытие, Исход, Книга Левит, Книга Чисел и Второзаконие. В сущности, Ветхий завет это краткий пересказ Пятикнижия.

– Понятно, – кивнул я.

– Что вам понятно? – с интересом посмотрел на меня Велесов.

– Ну, про Пятикнижие, – промямлил я.

– Я не об этом, – нетерпеливо сказал Велесов. – Интересно оказалось то, что, судя по всему, ваш предок Иексей совершил исход из Египта вместе с Моисеем, а его брат Элксай к тому же был одним из многих авторов Пятикнижия.

– Так что же мой предок был евреем?

– Иексей не был евреем, и даже не был иудеем. По той причине, что ни евреев, ни иудеев, в то время как народ ещё не существовали. Несколько тысячелетий назад, Моисей, которого те люди называли месшиах – что значит пророк, вывел некоторое количество родов или подруному – колен, из Египта.

– Занятно, – брякнул я, что бы лишь, что-то ответить.

– Очень интересно написал об этом отец Алексей Герш в книге « О вере». По его мнению, пророк, всей своей жизнью призывает людей жить праведной жизнью. Сам Алексей Герш, для нас его современников, может считаться эталоном порядочности. Вам Игорь просто необходимо ознакомиться с его книгами. Уверен, вы во многом пересмотрите свою жизнь.

Велесов продолжал рассказывать о Герше, а я задумался. Если придерживаться теории о праведности, я, умолчав о возможной непричастности Колымы к убийству Зинки, поступаю непорядочно. Впрочем, какое мне дело до этого старого уголовника?

– Вы совершенно меня не слушаете, Игорь Дмитриевич, – слова Велесова, продрались до меня, сквозь дебри моих мыслей, – взгляд у вас отсутствующий.

– Простите Владимир Семёнович, задумался.

– О чём, если не секрет?

Сам не знаю почему, но я рассказал Велесову об убийстве Зинки, и о сомнениях в виновности Колымы.

Прихлёбывая чай, доктор в задумчивости смотрел на меня. Так долго, что мне начало казаться, что на лбу у меня узоры, а он рассматривает их. Наконец Владимир Семёнович спросил:

– Скажите Игорь, вы действительно считаете, что Колыма не виноват?

– Отвечу так: я не уверен в его виновности.

– А как же постулат: «Любое сомнение трактуется в пользу обвиняемого»?

– Это пусть судья решает, виновен Колыма или нет. Впрочем, он написал явку с повинной, думаю, что срок ему обеспечен.

– И вы считаете это справедливо?

– Ну, доля справедливости в этом есть, – кивнул я. – Этот Колыма отнюдь не праведник. Грехов за ним немало, и в том, что он сядет, есть элемент справедливости.

– Не могу согласиться с вами! – хлопнул ладонью по столу Велесов. – Справедливость и законность в данном случае смыкаются. Колыма должен понести наказание, но только за доказанные преступления. Вы же Игорь, пользуетесь законом, словно кистенём. Бьёте им первого попавшегося, что б дырки в следствии заткнуть. Не об этом ли говорил Шарапов в фильме: «Место встречи изменить нельзя»?

– Что же вы посоветуете мне делать?

Подумав, Владимир Семёнович сказал:

– Понимаете Игорь, мы живём в ненормальной стране. И эту ненормальность, наши доморощенные русофобы, называют уникальностью. Мы в отличие от Западного мира, застряли в феодальном строе. Вспомните нашу историю: сначала царь, который мог казнить или миловать по своему усмотрению. Потом пришли большевики, и так же не шибко почитали закон. По существу у нас преобладают воровские понятия, а не правосудие. Вот и вы руководствуетесь этими понятиями. Тут совершенно нет вашей вины, вы так воспитаны. На Западе самые инициативные и трудолюбивые, формировали класс буржуа, и именно этот класс, заставил феодальное общество чтить закон. Иначе нельзя! Без соблюдения законов не возможно предпринимательство. У нас же наплевательское отношение к законам. Зачем он нам, когда всё решает хозяин-барин. В этих условиях свято чтится только одно – быть в стаде и не высываться. Инициатива у нас наказуема. Но поверьте, Игорь, так долго не будет. Вы же видите, что твориться вокруг. Власть понимает, что душить инициативу больше нельзя, и осторожно отходит от своих ортодоксальных коммунистических позиций. Знаете, Игорь, будущее за умными, инициативными людьми, а вы один из них, я это вижу. Поэтому-то и встречаюсь с вами. Я разглядел в вас родственную душу. За нами будущее! Поверьте в это Игорь. Скоро мы будем управлять нашей страной.

– Я очень внимательно прослушал вашу прочувственную речь, но не понял одного. Какое отношение имеет Колыма к людям будущего, к коим вы причислили меня? – с улыбкой спросил я

– Колыма, никакого. Вы же, если согласны с моими умозаключениями, должны пойти против течения! У вас отличный, от серой массы путь. Так сделайте же первый шаг!

– Какой?

– Найдите настоящего убийцу этой несчастной Зинки!

Книга батюшки Герша, оказалась настолько занимательной, что я проглотил её залпом. Размышляя о мессиахе Моисее, я незаметно задумался о своей жизни, и пришёл к печальному выводу – жизнь моя далека от праведности. К стыду своему я не всегда поступал порядочно. Но коли осознал это, значит не пропащий я! Что ж начну жить по-новому. Утро выдалось ясное и пригожее. Солнце весело светило с безоблачного неба, и воробьи громко шумели у лужи.

«Мы будем жить теперь по-новому. Мы будем жить теперь по-новому, – мурлыкал я себе под нос, шагая к гаражу. – Теперь я новый человек».

Воробьи, прекратив драку, дружно подтвердили:

–Целовек! Целовек!

Сразу после совещания, я вытащил из камеры Колыму. Того изрядно трясло, то ли с похмелья, то ли от перспективы оказаться под судом за убийство. Долго я пытался выяснить, что и как он делал в день убийства, никакого толку. Бедный Колыма решительно ничего не помнил. Не мудрено, пьян был в зюю.

– Ладно, – вяло махнул он рукой. – Явку с повинной я написал. Чего ты хочешь?

– Найти настоящего убийцу.

– Зачем тебе это нужно? – посмотрел на меня исподлобья Колыма. – Отвечу за чужую мокруху. Кто знает, может это кара Божья за грехи мои?!

– Тоже мне кающийся грешник выискался! – фыркнул я. – Ты отвечай за свои грехи, я только рад буду. Не зря же сказано: «Каждому своё».

Беседа с Манюней так же не внесла ясности. Людей в тот день у них дома было много. К обеду о моей активности стало известно Минвалиеву.

– Чем ты весь день занимаешься?! – накиннулся он на меня, едва я переступил порог его кабинета.

– Поиском убийцы Зинки, – ответил я, усаживаясь на стул.

– Опомнися! – всплеснул руками Мина. – Да убийцу ещё вчера задержали. Или ты не в курсе?!

– То, что Колыма написал явку с повинной, ещё не значит, что он убийца.

– А ты хорошо изучил материалы дела?! – у Мины даже очки запотели от возмущения. – Соседка пояснила, что она видела как Колыма и Зинка уходили, а возвращался тот один.

– Она лишь видела, что Колыма вернулся один. Зинка могла вернуться позже. Колыма был пьян вдрызг. До магазина он ещё мог дойти, но до стройки на Аделя Кутуя ему в таком состоянии не добраться. А уж убить Зинку, ему точно было не под силу.

– Добрынин ты случаем не забыл, что работаешь опером, а не адвокатом?!

– Нет, не забыл. Помню я так же то, что каждое сомнение трактуется в пользу обвиняемого, а тут их слишком много.

– Хватит демагогии! – хлопнул кулаком по столу Мина. – Улик против Колымы достаточно. Тебе больше не зачем заниматься этим делом. Что за опера пошли?! Раньше делали то, что нужно без всякой самодеятельности, и порядку было больше.

– Конечно, опера были покладистые, – усмехнулся я. – Добывали нужные улики, а ненужные уничтожали.

Удар был ниже пояса. Мин хлопал ртом как рыба на берегу, а сказать ничего не мог: три года тому назад, случился у нас в районе квартирный разбой с убийством. Воры влезли в квартиру, и обнаружили там не ходячую бабульку. Они ударили её гантелью по голове. Случай из ряда вон выходящий. Само собой, Москва взяла на контроль это дело. Тогда удалось быстро выйти на двух отморозков: Кощея и Зайца. Опера немного опоздали, Кощея за день до ареста, зарезали в пьяной драке, а Заяц на допросах пошёл в полный отказ. В день, когда был совершён разбой, он с язвой желудка валялся в сельской больнице. Была даже справка в деле. Её-то Мина и настойчиво посоветовал оперативнику Печорину из дела изъять.

Быстро отчитались перед Москвой о раскрытии преступления. К тому времени Заяц повесился в камере, а вскоре задержали на квартирной краже одного уркагана по прозвищу «Халявый», это был двоюродный брат Кощея. Он-то и поведал нам, что были они вдвоём с Кошеем в этой злосчастной квартире. Именно Кощей и тюкнул бабку гантелью по голове.

Заяц из камеры отправился на кладбище, а в неё взгромоздился оперативник Печорин. Мина же на голубом глазу заявил, что про справку из деревенской больницы слухом не слыхивал, и куда она делась, не знает. Отгрёб Печорин бы реальный срок, но начальнику отдела Газитуллину, должны были присвоить полковника, и ЧП с кадрами ему было ни к чему. Спасая свои полковничьи погоны, он ужом вывернулся, но дело замаял, и Печорина из камеры выдернул.

Страсти улеглись, и Печорин со временем стал заместителем Мины. Внешне они вели себя друг с другом благопристойно, но разок по пьянке, Печорин сильно начистил рожу Минвалиеву. Историю эту я услышал от самого Печорина.

Удар по яйцам всегда эффективен, а моё упоминание об этой неприглядной истории имело для Мины такие же последствия. Долго он не мог очухаться, и хлопал губами. Наконец овладел собой настолько, что мог связно говорить, процедил сквозь зубы:

– Ладно, занимайся Колымой, если считаешь нужным. Иди!

Мина уткнулся в бумаги, давая понять, что разговор закончен. Ну вот, я в новой жизни приобрёл первого врага. Впрочем, невелика проблема! Пока же я получил карт-бланш. Правда, только на сегодняшний день.

Я еще раз опросил Нуртына, Манька и Манюню. Куча народа побывала в тот злополучный день у Колымы, и пришлось всех вытаскивать. Большую помощь оказал мне в этом деле Шергин. Но итог неутешителен: никто из них не мог убить Зинку.

Пришлось начинать всё сначала. И тут, Нуртыну и Маньку надоело на нарах чалиться, они зашевелили мозгами и вспомнили, что был ещё один, кого я не опрашивал. Звали парня Витёк, он якобы даже запал на Зинку. Но кто это такой, и где живёт, никто не знал. Где его теперь искать?

Опять помог Шергин, прошерстив всех алкашей и блатных, он в девять часов вечера позвонил мне.

– Нашёл я этого Витька! – возбуждённо орал он в трубку. – Заезжай ко мне в опорный пункт.

Щуплый, рыжий Витёк снимал комнату в старых домах на улице Патриса Лумумбы. Держался он нагло, но его бегающие, лисьи глазки, выдавали страх.

– Требую адвоката, – твердил он как заведённый.

– Ты даже не знаешь, о чём мы с тобой хотим поговорить, а уже адвоката просишь, – усмехнулся я.

– Что очко разыграло? Вину, какую за собой чувствуешь? – ласково поинтересовался Шергин. – Если это так, ты покайся, легче станет.

– Ни чего я не чувствую! – закричал Витёк, но на всякий случай отодвинулся подальше от Серёги. – А знаю одно, просто так менты по ночам в квартиру не вломятся. Небось, дело, какое пришить хотите!

– Ну, зачем так грубо говоришь, – картинно всплеснул я руками. – Ничего мы тебе шить не будем. Только скажи, зачем ты Зинку убил?

Вопрос этот Витька не удивил, он лишь грустно усмехнувшись, сказал:

– Я ж говорил, шьёте! Плевать я хотел на эту х..соску.

От этих слов меня озарило, и я, рассмеявшись, спросил:

– У тебя там, на стройке не встал?

Вообще-то я медленно соображаю, а тут непонятно как это у меня с языка слетело. Реакция Витька была молниеносна, как вспышка.

– Тварь подколодная! – завизжал он. – Эта сука сказала, что ещё никогда такого маленького стручка не видела! Ещё ржала как лошадь, мразь!

– И за это ты её ножом потыкал? – спросил я.

– А вы докажите! – орал Витёк.

– Докажем, – пообещал я. – Всё докажем.

Опергруппа, которую мы вызвали, изъяла свитер со следами крови и нож.

Поспать мне в эту ночь почти не удалось. Собственно даже сном это назвать нельзя. Снились обрывки допросов Колымы, Манюни, Манька. Однако утром я был бодрым и полным сил. Придя на работу, первым делом поднял к себе из камеры Витька.

– Ну чего тебе ещё от меня нужно? Я же сознался во всём? – заныл он, едва сел на стул. – Всё же рассказал!

– Согласен, – кивнул я. – Но сейчас расскажи, как на пустыре за старым аэропортом ты убил гражданку Тимофееву.

– Какую ещё Тимофееву?!

– В миру более известную как Рамона. Грубиянка она знатная, лично был знаком с покойницей. Нахамила тебе что ли?

– На х.. послала. Я её весь день поил, а она сучка за базаром не следит.

Витёк опомнился, а потом махнул рукой:

– А семь бед один ответ! Давай бумагу, явку с повинной писать буду. А эта старая сволочь Рамона, смерть свою заслужила. Ещё о ком спрашивать будешь?

– Буду, – кивнул я.

Перед обедом Минвалиев вызвал меня к себе.

– Ну, Гоша ты и завернул комбинацию! – воскликнул он, потирая руки. – Два висяка за какие-то три часа раскрыл.

– Что тут скажешь, талантлив, – скромно заметил я.

– Ну, ты нахал! – хохотнул Мина. – Если нет горящих материалов, иди, отдыхай. Заслужил!

– Далеко собрался? – спросил меня Шергин, встретив у отдела.

– Мина дал мне выходной.

– На пенсии отдохнём, – рассмеялся Серёга. – Мне за раскрытие убийства выговор снимают, так что скоро капитана получу. С меня простава, пошли!

– Хорошо, – кивнул я. – Только с начала машину в гараж поставлю.

До шести вечера мы пили водку с Шергиным, в его опорном пункте, а потом я отправился домой.

«Приму душ, и завалюсь спать», – решил я.

Сидя на краю ванной, я смотрел на поверхность воды. Струя из крана упруго врзалась в воду, а на поверхности воды колебалось моё отражение. На секунду я закрыл глаза, и когда открыл их, страх клещами сжал моё сердце. С поверхности воды на меня смотрела мерзкая физиономия какого-то старикашки.

«Это ещё кто такой?!» – вздрогнул я.

Я открыл рот, и противный старикашка разинул свою беззубую пасть.

– Это что я что ли?! – покрываясь холодным потом, завопил я.

За спиной у меня раздался скрипучий смех.

Глава 5

За моей спиной послышался скрипучий смех, потом хриплый голос поинтересовался:

– Что любишь собой?

Я резко обернулся. Преду мной стоял высокий, худой старик. Яйцевидный, коричневый череп его, по бокам обрамляли жидкие, пегие волосы. Чресла старца обёрнуты в козлиную шкуру, такую же грязную, как и его волосы. А глаза! Большие, коричневые, с бархатными, длинными ресницами. Где я видел эти глаза?! Оглядев старика с головы до ног, я спросил:

– Где твои красивые волосы Корей?

Снова скрипуче рассмеялся старик, но вскоре закашлялся, а отдышавшись, уныло произнёс:

– Мои волосы остались там же, где и твои зубы Иексей, в этой проклятой пустыне!

– Как же мы постарели! – вздохнул я.

– Гы, гы, – ослабил свой беззубый рот мой товарищ, – а ты как хотел?! Молодым всегда быть? Умерла в пустыне наша молодость, и теперь мы глубокие старики. Сколько лет водит нас Моисей по этим камням! Подумать страшно!

– Всё это так, – согласился я. – Но давай займёмся делом. Не забывай, зачем мы пришли в крепость Нехеб.

За те несколько десятков лет, что скитаемся мы по пустыне, Моисей неизменно делал стоянки так, что бы до египетских крепостей было не больше дневного перехода. Основав становище, он отправлял караван под охраной людей из колена левитова за провизией. Вот и сейчас мы прибыли в крепость Нехеб за зерном и хлебом.

– Что за жизнь у нас? За что Моисей привёл нас в пустыню?! – горестно вздыхал Корей, когда мы возвращались обратно.

В последнее время он часто заводил подобные разговоры, и они уже изрядно надоели мне. Я молчал, а товарищ мой и не требовал ответа. Однако вскоре прискучило ему говорить с самим собой, и он возопил:

– Моисей обещал нам землю обетованную! Скажи Иексей те пески и камни, где мы прозябаем, и есть та земля?!

– Ты забываешь Корей по чьей воле мы здесь! – со вздохом ответил я. – Господь избрал народ израильтев, а месших Моисей ведёт нас по пути избранному.

– По воле Хоремхеба мы здесь! – взвизгнул, брызгая слюной Корей. – Но он уже давно мёртв! Зачем же Моисей держит нас в пустыне и не ведёт в земли Хаананские?!

– Не забывай Корей, месшихаху видней что делать! А наш долг служить ему! И оставим этот разговор. Ты прекрасно знаешь, что ждёт того, кто идёт против Моисея!

– Знаю, – буркнул Корей, и больше уж ничего не говорил.

В лагерь мы прибыли в полдень. Весь народ израильтев собрался на минху – полуденную молитву. Каждый стоял у своего шатра и смотрел как Моисей и Аарон направлялись в скинию – переносной храм, в котором Моисей общался с Богом. Для скинии выбран самый большой шатёр, он огорожен кольями, которые укрыты льняными материями.

Мы всегда привозили провизию именно в это время. Никто не должен видеть, сколько зерна и мяса доставлено в лагерь. Всё мешки выгрузили у шатра Зераха, который со своими сыновьями отвечал за провизию в нашем становище.

Что бы больше не слушать причитания Корея, я отправился в свой шатёр. Но по дороге захотел попить, а как раз, и колодец рядом. Около него набирала воду, какая-то девушка, лет пятнадцать не больше. Льняная ткань, скреплённая на плечах верёвочками, а на талии кожаным ремешком, хорошо подчёркивало её стройную фигуру. Такое одеяние у египтянок зовётся – капазирис. Уставившись на выпирающую грудь девушки, я открыл свой беззубый рот, поза-

быв обо всем на свете. Девушка, подхватив кувшин, попыталась пройти мимо меня, но я ухватив её за руку, спросил:

– Как тебя зовут?

– Агарь, – склонив голову, ответила девушка.

– Кто твои родители? – я разглядывал её красивое, смуглое личико.

– Я сирота, – вздохнула Агарь. – Отец и мать умерли, когда я была ещё маленькой. Живу у Авиуду. Я служанка в семье его

– Понятно.

– Можно я пойду? – робко спросила Агарь.

– Иди, – кивнул я, и долго ещё смотрел ей в след.

Как только стемнело, я отправился к Авиуду. Подойдя к его костру, увидел ноги главы семейства, торчащие из шалаша. Жена и служанка Агарь на камнях мололи просо, а сыновья сидели у костра.

– Мир вам люди, – поприветствовал я их. – Позови мужа своего, Ханна.

Из шалаша появилась включенная рожа Авиуду.

– Бока намнёшь, – сказал я, ухватив его за волосы. – Вставай, нечего валяться, ещё вся ночь впереди. Пойдем, разговор есть.

– Да я не спал вовсе, – вскочил тот. – Что ты хочешь сказать мне Иексей?

– Агарь, которая живёт в семействе твоём, откуда она?

– Дочь моего старшего брата Иохаз. Он женился на египтянке. Иохаз и его жена померли, когда Агарь была ещё маленьким ребёнком. С тех пор она и живёт у меня.

– Тяжело, наверное, кормить лишний рот, – задумчиво сказал я. – Пришли её ко мне, а я отсыплю тебе одну меру чечевицы.

– Сирота она, – вздохнул Авиуду. – Как же я могу оторвать её от себя?!

Рассмеявшись, ответил я:

– Я дам тебе ещё две меры проса, так ты лучше переживёшь разлуку с Агарь.

– Да как же можно! – упорствовал Авиуду.

– Ну, коли не хочешь, считай, разговора не было, – я стал терять терпение. – Но учти, две меры проса и одна мера чечевицы на камнях не валяются.

– Согласен я, согласен! – замахал руками Авиуду.

– Вот и хорошо коли сговорились. Пришлешь её к моему костру.

Повернувшись, я направился к своему шатру. Улёгшись на подстилку, стал ждать. Ох как же долго тянулось время! Я весь горел от возбуждения. Наконец Господь наградил меня за терпение, и у шатра послышался знакомый голосок:

– Дядя послал меня к тебе Иексей.

Присев, я позвал:

– Иди ко мне поближе Агарь.

Девушка, откинув полог, пролезла в шатёр. Я схватил её за руки и притянул к себе. Агарь смотрела на меня с широко раскрытыми глазами. Непослушными пальцами стал я развязывать тесёмки на её на плечах, потом снял кожаный пояс с талии.

– Не надо, не надо, – просила Агарь, пытаясь отодвинуться.

– Молчи, я знаю что делаю, – шепеляво, шептал я, брызгая слюною.

Капазирис съехала к поясу девушки. Я трогал её маленькую, упругую грудь.

– Теперь я твой господин, и ты должна во всём слушаться меня, – сипло шептал я, и гладил её между ног.

Агарь задрожала, а я взял её руку и сказал:

– Потрогай мой уд!

Девушка пыталась отдернуть руку, но я крепко держал её.

– Твоя хава, знала, чей ни будь уд?

– Нет, – тихо ответила Агарь.

– Это хорошо! – обрадовался я. – Уд твоего господина будет первым.

Я повалил девушку на спину. Стал целовать её в губы, ласкать её соски. Девчонка ловко вывернулась из-под меня, и отскочила.

– Ты что делаешь негодная?! – зашипел я, ползая на коленках за ней.

– Пахнет! У тебя плохо пахнет изо рта, – чуть не плача ответила Агарь.

– Ничего привыкай. Это запах твоего господина. Свыкайся, – я впился в губы девушки.

Повалив её на подстилку, я раздвинул девушке ноги. Она вскрикнула, когда я вошёл в неё, а я заревел как дикий бык, вмиг оказавшись на вершине блаженства. О Господи как хорошо мне было! Я целовал Агарь в губы, мям её соски. Сколько раз овладевал я ей в ту ночь?! Не знаю, сбился со счёта. Уснул я без сил уже на рассвете.

Неизвестно, сколько я проспал. Разбудила меня Агарь, целуя в лоб и щёки.

Я повторял, лёжа с закрытыми глазами:

– Целуй меня Агарь! Целуй!

Глава 6

Агарь целовала меня в лоб и щёки, а я восклицал:

– Целуй меня Агарь! Целуй!

Когда я открыл глаза, Агарь рядом не было, а на подушке сидел Тимофей, и своим мокрым носом тыкал мне в лицо.

– Ну, пойдём завтракать, раз разбудил, – сказал я, вставая.

– Ух, ты! – изумился я, глядя на свои трусы.

Сильно же возбудила меня красавица Агарь! Ночных поллюций у меня не было с десятого класса!

После работы домой идти не хотелось, потому позвонил Велесову. Он предложил встретиться, и я отправился к нему.

Удобно расположившись в кресле, смотрел я телевизор, по которому шла развлекательная передача с Владиславом Ростовым, очень удобная для разговора, потому как не слишком заумная, и не отвлекает внимание.

– Владимир Семёнович, а я за одну ночь прочитал книгу Алексея Герша, – похвастался. – Совсем не ожидал от себя такой прыти. Раньше подобного рода литература меня совершенно не интересовала. Просто удивительно! Как отец Герш нашёл такие слова?! Они очень задели меня за живое.

– Здесь нет ничего удивительного Игорь Дмитриевич. Мозг ваш проснулся от спячки, вот и смогли осилить этот труд. А ведь книга «О вере», очень сложна для восприятия, но вы её одолели. Молодец!

– Игорь Дмитриевич, а что означает слово «хава»? – спросил я невпопад.

Велесов посмотрел на меня с удивлением, и ответил:

– Хава, на языке древних семитов, означает женский половой орган. В сущности, библейское имя Ева, пошло от слова – хава.

– А уд, следовательно, мужской половой орган? – рассмеялся я.

– К чему все эти вопросы?! У Алексея Герша в этой книге, насколько мне известно, нет таких слов.

Но я продолжал свои расспросы:

– Скажите Владимир Семёнович, а имя Агарь, упоминается в библейских книгах?

Велесов задумавшись, ответил:

– В Библии говорится, что у пророка Авраама и его жены Сары не было детей. Сара сама посоветовала Аврааму, сожительствовать со своей служанкой Агарью. Она была египтянкой. Агарь родила от Авраама сына Измаила. После рождения сына, Агарь стала презирать Сару, свою госпожу. Та выгнала её вместе с сыном из дома. Сара же после этого родила сына Исаака. По преданию считается: от Измаила произошли арабы, а от Исаака – евреи. С той же поры и пошла вражда между Исааком и Измаилом, а впоследствии, и между их потомками, евреями и арабами. Я удовлетворил ваше любопытство?

– Вполне, – кивнул я.

– Теперь я в свою очередь прошу рассказать, к чему все эти расспросы.

Я поведал Велесову о том, что видел во сне. Умолчал лишь о сексе между мной и Агарью, убоявшись прослыть праотцом арабов.

Выслушав меня, Владимир Семёнович сказал:

– Моисей сорок лет водил иудеев по пустыне. Зачем же он это делал? Много версий есть на этот счёт. Ваши сны подтверждают предположения некоторых учёных.

– И что это за предположения?

– Они предполагают следующее: замыслы жрецов египетских были грандиозны. Объединить рода полудиких семитских племён, и вывести их в Синайскую пустыню. Моисей своими проповедями повёл этих людей за собой. Со своим племенем он кочевал у границ Египта. Они охраняли рубежи Египетские от вторжения диких кочевников, и других врагов. А их у египтян было немало: хетты, пеласги. По существу племя Моисея выполняло те функции, какие выполняли казаки в Российской империи, а раньше в Киевской Руси то же самое делали «чёрные клобуки» – чёрные колпаки (каракалпаки). В Булгарском ханстве эту же роль выполняли нагайбаки, которых у нас именуют – крещёные татары. По существу, те двенадцать колен под руководством Моисея, были первыми казаками. Но как удержать в подчинении полудикие рода-колена, которые не признавали ни чью власть? В этом Моисею помогали люди из колена левитова.

Леви – третий сын Иакова и Леи. Его прямые потомки называются левии, то есть левиты. Они откликнулись на призыв Моисея, и мечом покарали грешников, поклонявшихся золотому тельцу. Именно левиты во время скитания по пустыне собирали и разбирали шкуры.

– Значит, левиты были телохранителями Моисея?

– Не только, – улыбнулся Велесов. – Они были по существу штурмовиками Моисея. За сорок лет хождения по пустыне, умерли все те, кто вышел с Моисеем из Египта. Умер сам пророк, его брат Аарон. Именно в пустыне полудикие колена семитов сформировались в народ еврейский. Там в пустыне зародились евреи, и под предводительством Иешуа – бин Нуна, по другому Иисуса Навина, вошли в землю Хаананскую, и завоевали её.

При разделе земли Хаананской – Эрец Израиля, левиты были единственным родом который не получил земли в надел. Они были священниками и находились в зависимости от своих собратьев. Это не позволило им превратиться в закрытую касту жрецов. Обработка земли не расходовала их сил, и они посвящали своё время не только толкованиям Священного Писания, но так же на изучение наук. Ввиду того что левиты не были закрытой кастой, они впитывали в свои ряды самых креативных людей среди евреев и не только среди евреев.

В своей книге Герш очень выпукло показал, как трудна была задача выполняемая Моисеем

– Во сне приятель мой, Корей был сильно недоволен действиями пророка. Говорил, что Моисей обманул народ свой.

– Да предательство и непонимание среди своих единомышленников, самое страшное, что может быть – вздохнул Велесов – И особенно плохо то, что при этом отступник пользуется большим авторитетом у соплеменников. С глубоким прискорбием мне хочется признать, что и сам отец Герш не всегда способствует единству нашей Церкви. В своих публичных лекциях он всё больше склоняется к оккультизму. Причина тут мне видится в том, что отец Герш миссионер по складу своей души.

Сам он кристально чистый человек, но наивен как ребёнок. Авторитет Герша очень велик, и если он того не замечая, станет орудием в чьих то непорядочных и корыстных руках, то бед может натворить немалых. Но будем надеяться на лучшее. Мне не хочется думать о плохом. Алексей Герш, чистый и светлый человек. Пусть таким и останется

– Совершенно с вами согласен – ответил я.

Домой я отправился в десятом часу вечера. По дороге решил заехать на заправку. Когда ставил машину в гараж, было ровно десять. Ладно, завтра выходной, значит, высплюсь вволю. По телу пробежала сладкая истома, и на душе стало хорошо и радостно.

Весело насвистывая, потопал я к дому. Ключи держал в руках. В метрах десяти от гаража рассыпана большая куча песка. Проходя мимо, я уронил ключи в песок. Наклонившись, увидел жука, ползущего около связки ключей. Взяв пригоршню песка, я засыпал его. Жук вылез на поверхность. Я снова засыпал его, но тот вновь вылез. Так вместо того что бы идти домой, я забавлялся с жуком. Жёлтый песок вновь и вновь, заваливал жука, но он упрямо вылезал на

поверхность, и продолжал свой путь. Тогда я снова брал в руки пригоршню песка и сыпал на упрямого жука. Кто-то толкнул меня в плечо, и прервал эти забавы. Оглянувшись, я увидел Элкса.

Глава 7

Кто-то толкнул меня в плечо, и прервал мои забавы с жуком. Я оглянулся, передо мной стоял сухонький, сморщенный, старичок, это был Элксай.

– Что ты хочешь брат? – спросил я старика.

– Оставь в покое жука! – сказал Элксай. – Вставай, и пойдём со мной. Моисей призывает тебя к себе.

Шатёр Моисея находился вне нашего стана, рядом со скинией. Моисей восседал на подушках. Одесную⁸ от него сидел брат его Аарон, наш первосвященник – коханим, так он зовётся.

Напротив них, около входа, сидел Корей. При нашем появлении, он хмуро взглянул на меня, и уставился в землю.

– Присаживайся с нами Иексей, – сказал Моисей.

Я хотел сесть рядом с Кореем, но Элксай толкнул меня, и уселся между нами.

Моисей, меж тем погладив свою длинную, седую бороду, и продолжил:

– Тобой кое-кто недоволен Иексей.

– Я не понимаю тебя месших, – ответил я, облизав пересохшие губы.

Моисей взглянул на Аарона, и тот сказал:

– Мы хотим разобраться с этим делом без лишних ушей. Потому и собрали вас всех здесь. Корей зол на тебя Иексей.

– Откуда быть недовольству мной? Объясни коханим! – развёл я руками.

– Что ж объясню, – кивнул Аарон. – Ты приблизил до себя служанку Агарь. И что уж совсем плохо, не допускаешь в ложе своё, жену Фамарь.

Это верно, с тех пор как познал я Агарь, дряблое тело жены противно мне, и гнал я её от себя. Сам же каждый день входил в юную деву, но признаваться в этом здесь я не собирался.

– О чём ты говоришь коханим?! Я не понимаю тебя, – молвил я, наклонив голову, что б никто видел смятения на моём лице.

– Он не понимает! – взмахнул руками Корей. – Моя сестра Фамарь жаловалась на тебя! Говорила, что ты уже месяц не допускаешь её до себя. С тех пор как пригрел у себя эту грязную Агарь. Служанка нагло насмехается над бедной Фамарь!

– Как можешь ты Корей лезть в семью мою! – взбеленившись, заорал я, брызгая слюной.

– Иексей прав, – вступился за меня Элксай. – Зачем Фамарь жаловалась на мужа?! Он господин её! Обсуждать мужа своего с чужим человеком, пусть даже и братом! Сказано же: «Жена да убоится мужа своего!» Не её жалким умишком судить господина своего.

Разумные слова Элксая вывели из себя Корея, и он заорал:

– Ты во всём поддерживаешь своего брата! Вы забыли кто вы такие?! Псы безродные! Мой отец Ицгара, отдал дочь свою за Иексея. И теперь этот пёс со своею паскудой насмехаются над бедной Фамарью!

– Корей умерь свой пыл! – властно сказал Моисей. – Скажи, что ты хочешь от Иексея.

– Пусть прогонит в пустыню Агарь, – стукнул ладонью по колену Корей. – Не место этой египтянке среди нашего народа.

– Как ты можешь говорить такое?! – воскликнул Элксай. – Её одну в пустыне ждёт верная гибель!

Я же чувствуя поддержку брата, сказал:

– Почему ты указываешь мне, что должно делать в семье моей!

⁸ Одесную – справа на библейском языке.

Кровь прилила к лицу Корея. Смуглое лицо его стало похоже на свеклу. Он вскочил на коленки, и схватил меня за бороду

– Ах ты, пёс шелудивый! – орал он, трясая меня за бороду.

Голова моя болталась из стороны в сторону, я брызгал слюной, и пытался схватить Корея за волосы. Но тщетны были мои попытки, ибо Корей был лыс, и я лишь скрёб ногтями его череп. В пылу схватки мы вскочили на ноги, чем привели в изрядное смятение всех. Элксай схватил сзади за пояс Корея, и потянул его. Корей повалился на спину, я на него.

Наконец мы успокоились. Корей слюной замазывал царапины на своей лысине, я же поправлял растрепанную бороду.

– Ты говоришь нехорошие слова Корей, – тихо сказал Моисей. – Гнать на погибель сироту ради спокойствия Фамарь, это богопротивно. Тебе же Иексей надобно помнить о жене, и негоже отлучать её от ложа. Фамарь же надлежит укоротить язык свой. Не дело рассказывать каждому мужчине, сколько раз на неделе входит в неё муж!

– Как можно говорить такое о дочерях израильевых! – возмутился Корей.

Вскочив на ноги, он со злостью продолжил:

– Ты Моисей жену имеешь медитянку, вот потому ты и жалеешь инородцев!

Мы и глазом моргнуть не успели, как Корей выскочил из шатра.

– Месшиах, не переживай, – сказал я. – Корей мой друг, он успокоиться и мы помиримся.

– Хорошо коли так, – ответил Моисей. – Аарон, Элксай, оставьте нас.

После их ухода, Моисей долго смотрел на меня. На его губах заиграла лукавая улыбка, но вскоре исчезла в седой бороде.

– Она хороша? – спросил он.

– Кто? – не понял я.

– Та самая Агарь.

– О да месшиах, – вздохнул я. – Она молода, а кожа у неё такая бархатистая и гладкая.

– Понятно, – кивнул Моисей. – Знаешь Иексей, а я ведь чуть было не встал на сторону Корея.

– Что же остановило тебя?

– Вспомнил, как давно сам полюбил девушку, вопреки хотению других.

– Ты говоришь о своей жене Сепфоре?

– Нет, – вздохнул Моисей. – Сепфора, моя вторая жена. Я же говорю о той, что стала моей женой раньше. Давно это было. Сколько же лет прошло с тех пор?! И не упомнить. В ту пору был я молод и силён. Жил в Большом доме у фараона. Рамсес считал меня своим воспитанником, и благоволил ко мне. Но среди сановников это мало кому нравилось. Сильно ненавидел меня главный распорядитель и управитель джати⁹ Рахотеп. За глаза он звал меня «выкормышем и безродным азиатом». Кто-то внушил Рахотепу, что я мечу на его место. Он сговорился со жрецом Чаи Исе Иму, который недолюбливал меня из-за Осарсифа, отца моего. Были у жреца, какие – то счеты с ним.

В те годы взбунтовался царь Нумибии по имени Кокиан. Возгордившись сильно, к тому же науськиваемый своими советниками, Кокиан посчитал себя не ниже фараона, и отказался выплачивать ему подати. Такого Рамсес потерпеть не мог. Повелел он направить в Нумибиию войско, и проучить Кокиана.

Рахотеп и Чаи Исе Иму посоветовали фараону направить во главе войска меня. У них созрел коварный план, как погубить меня. Я возглавил войско. Но какое! Всё оно состояло из неферу.

– Кто это? – спросил я.

⁹ Главный распорядитель и управитель джати – должность премьер-министра в Древнем Египте.

– Новобранцы, набранные в армию из простолюдинов, – вздохнув, Моисей, и продолжил, – Нумибия находится к югу от первого нильского порога. Дорога туда ведёт вверх по течению Нила. Кокиан собрал сильную армию, и ждал нас там. Что я мог выставить против него? Три тысячи вчерашних пастухов и землепашцев!

В Нумибии можно попасть и через пустыню. Однако она кишмя кишит ядовитыми змеями. Как спастись от них? И я захватил с собой священных птиц ибисов. Они, как известно отличные змееловы. На ночных стоянках они очищали наш лагерь от змей. За пять дней пути мы добрались до Нубии. Кокиан совсем не ожидал, что мы ударим ему в спину. Его войско дрогнуло и побежало. Кокиан с частью войска затворился в своём городе – Савве.

Нужно было приступить к осаде. Я приказал своим воинам показать нумибийцам, что мы полны решимости и готовимся к битве. Кокиан видел нашу подготовку к штурму. Не знаю, что думал нумибийский царь, но я был в отчаянии. Ибо знал, что моим воинам крепость не взять.

Однажды ночью дозорные привели ко мне в шатёр жителя Саввы. Тот сказал, что зовут его Пхатотеп, и служит он слугой у Кокиана. Точнее не у самого царя, а был он слугой его дочери Фарбис.

И поведал мне этот Пхатотеп, что Фарбис с крепостных стен увидела меня и полюбила. Она предлагала мне взять её в жёны. От пленных нумибийцев, я был наслышан о красоте Фарбис.

Опасаясь подвоха, я сказал Пхатотепу, что приму решение, тогда, когда Фарбис будет в моём шатре. Тот улыбнулся и сказал: «Я понимаю тебя Мосе. Завтра же после заката солнца Фарбис будет у тебя».

Пхатотеп сдержал своё слово, на закате следующего дня он доставил ко мне Фарбис. Принёс её завернутую в ковёр.

Красота этой чёрной царицы была неописуема! Я сразу влюбился в неё. Можешь ли ты представить Иексей, как сладостны были те моменты, когда я гладил её бархатную кожу, входил в неё раз за разом?! Эту ночь мне не забыть никогда!

А потом мы с Кокианом заключили мир. Он склонил голову под пяту фараонову. В Савве встал мой гарнизон. Мы с Фарбис сыграли свадьбу. Месяц я прожил с ней, и время это показалось мне одним днём. Вскоре из Фив прибыл гонец. Он сообщил, что Рамсес призывает меня к себе. В надежде на скорое свидание, я попрощался с Фарбис, и отправился в путь.

В дороге, меня нагнал посланец Хоремхеба. Жрец писал в своём послании, что нельзя мне ехать к фараону. Дело в том что, Рахотеп нашептал престарелому фараону, о том, что я якобы собираюсь убить его, и самолично править Египтом. Из года в год в уши Рамсеса вливался яд лжи обо мне. Её стало так много, что фараон начал верить худым наветам, которые нашептывали обо мне враги. Рамсес приказал казнить меня.

В Фивы мне нельзя, но не мог я ехать и в Саввы, к любимой жене, потому как там стоял гарнизон египетский. Появись я там, то сразу был бы убит в исполнения приказа фараона. Куда податься?

– Что же решил ты? – спросил я.

Вздохнув, Моисей продолжил:

– Гонец сообщил мне, о том, что Хоремхеб советует отправляться в земли медиамские.

Медяне издревле занимались скотоводством. Пастухи там были в большом почёте. Когда они появляются у колодцев, все спешно уступают им место для водопоя. Я же не знал этого. Уставший и запылённый, я прибыл в земли медянские. У первого же колодца захотел утолить жажду. Попив, я отошёл в тень передохнуть. Тут к колодцу подошли девушки, и стали набирать воду в кувшины. В это время подъехали пастухи. Принялись они кричать и отгонять девушек от колодца. Наглости такой от скотоводов я стерпеть не мог, и палкой прогнал их, а потом предложил девушкам набрать воду. Они поблагодарили меня. Узнав, что я странник, и не имею

приятна, предложили остановиться в доме их отца. Девушки оказались дочерьми медиамского жреца Иофора.

Я стал жить в доме Иофора. Дочери его оказывали мне знаки внимания. Приглянулась мне младшая – Сепфора. Её я и взял в жёны. Слов нет, люблю я жену свою. Она мать сыновей моих: Гирсама и Елизера. Но часто лёжа в объятиях Сепфоры, думал я о Фарбис, прекрасное тело которой не могу забыть до сих пор.

Видишь ли, Иексей, я понимаю твою любовь к Агари, потому и поддержал тебя.

– О Моисей! Ты мудр и великодушен! – воскликнул я, падая на колени. – Благодарю тебя за участие и понимание. Знай, не найдёшь ты нигде слуги, более преданного чем я. За Корея не беспокойся, он друг мне. Я поговорю с ним, и он поймёт всё.

– Хорошо коли так, – улыбнулся Моисей. – Теперь иди. Устал я, и хочу отдохнуть.

Выйдя из шатра месшиаха, я отправился к жилищу Корея, но голос его услышал у костра Авирона. Друг мой сидел с Авироном и Дафоном. Я подошёл к ним, и молвил:

– Послушай меня Корей.

Тот сделал вид, что не видит меня. Со мной заговорил Авирон:

– Что нужно тебе у костра моего Иексей?

– Корей, – ответил я, подходя ближе к костру.

– Здесь собрались люди из колен Левитова и Рувимова, – встрял в разговор Дафон, помешав угли в костре, он продолжил. – Ты Иексей без роду и племени, и не место тебе среди нас

– Я хочу поговорить с Кореем, – упрямо гнул я своё.

– Уйди Иексей, я не хочу видеть тебя, – угрюмо ответил мой друг.

– Почему?! – не понял я.

– Непонятно?! – взревел Авирон. – Тебе не место здесь! Пойди вон! Или мне крикнуть сыновей, что бы прогнали тебя палками?!

Сплюнув, поспешил я ретироваться, что бы ни быть битым. Взбешённый, я вернулся к своему шатру. Только молодое тело Агарь смогло унять мой гнев. Несчетное количество раз я овладевал ей, и только ранним утром уснул без сил. Проснулся не от поцелуя Агари, а от пинка Элксая.

– Вставай прелюбодей! – нещадно тряс он меня за плечо.

– Что ты хочешь, брат мой? – очумело глядя на него, спросил я его.

Что бы я окончательно пришёл в себя, Элксая саданул меня ладонью по затылку.

– Пошли к Моисею, – сказал он.

К шатру месшиаха со всех сторон сбегались люди. Моисей и Аарон стояли у входа в шатёр, а вокруг них шумела толпа. Напротив Моисея стояли Корей, Авирон и Дафон. Гвалт и шум стоял невообразимый. Мы с братом прокладывали себе дорогу толчками и тумаками. Не без труда, но всё же нам удалось продвинуться поближе к Моисею.

– Люди, зачем вы собрались здесь?! – громовым голосом вопрошал Аарон.

Корей поднял руку, а добившись тишины, сказал:

– Мы хотим Моисей, что бы ты держал ответ пред народом израильтевым.

– Что ты хочешь услышать от меня, Корей?! – тихо спросил его Моисей.

– Мы хотим знать, за что ты обрекаешь народ израильтев на муки?! – возопил Корей. – Ты вывел нас из Египта, пообещав, что пойдём мы в земли Хаананские. Обещал нам землю обетованную для народа Израильева. Ты и Аарон говорили нам, что в земле той текут молоко и мёд. Ответь Моисей: привёл ли ты в ту землю народ свой?!

Люди зароптали. Корей же властно подняв руку, и продолжил:

– Молчишь! Потому что нет у тебя ответа. Вместо земли обетованной терпим мы лишения среди камней, в пустыне. Голодаем!

Молчал Моисей, а брат его Аарон со страхом смотрел на толпу. Корей вздохнув, продолжал:

– Ты Моисей учил нас, что в шабат нельзя делать никакой работы, а лишь возносить молитву Господу.

В сильном смятении был месиах, а Корей оглядев толпу, продолжал:

– В прошлый шабат, привели мы в лагерь двух человек, которые собирали хворост в пустыне. Были они не из нашего народа, и не ведали обычаев наших. Они даже не знали нашего языка. Ты Моисей, приказал казнить их, за то, что нарушили они Закон и работали в шабат. Но они же не знали Господа нашего, не слышали о Заветах его! За что ты приказал убить их?! Ты сказал нам, что так повелел Господь. Разве Господь так жесток?! Он что карает заблудших, вместо того что бы вразумлять их?! Волю, Господа нам доводят Моисей и Аарон. А правильно ли они говорят нам?! Может Моисей изъясляет нам свои решения, прикрываясь Господом нашим?!

Отовсюду послушались крики:

– Правильно! Мы хотим знать, чью волю сообщает нам Моисей!

– Объясни, что хочешь ты Корей, – тихо спросил месиах.

Корей, подойдя вплотную к нему, и оглянувшись на людей стоящих вокруг, закричал:

– Разве мало того, что ты вывел нас из земли сытой в пустыню?! Привёл ли ты нас в землю обетованную?! Дал ли ты нам во владения поля и виноградники?! Глаза людей сих ты хочешь ослепить, и повести за собой на погибель! Не пойдём! А то ли говорит Господь, что ты Моисей и ты Аарон передаёте нам?!

– К чему ты клонишь Корей? – спросил Аарон.

– Я из колена левитова и по праву могу быть священником, – ответил тот.

– Одумайся Корей! Разве мало того, что ты прислуживаешь в скинии?! – взмахнул руками Аарон.

– Полно тебе! – усмехнулся Корей. – Всё наше общество свято и среди них Господь! Почему же вы Моисей и Аарон ставите себя выше народа господня!

– Верно! Верно! – орали в толпе. – Все мы народ господень, и все мы равны!

Жутко стало мне. Долг наш защищать Моисея. Но что мы, жалкая горстка можем против огромной толпы?! А кто распалил эту толпу?! Корей, один из слуг Моисея. Нет ничего страшнее, когда отступник из самых верных слуг. Что делать?!

И пал на колени Моисей. Приник он к земле, и остался так, пока не стих шум людской. А потом встал, и возопил:

– Люди!! Люди как можете вы идти против воли Господа и противиться воли его?! Даст он вам знамение! Из сего узнаете, что Господь послал меня делать все дела сии. А не по своему произволу я делаю сие. Если отступники умрут, как умирают, и постигнет их такое наказание, какое постигает всех людей: то не Господь послал меня. А если Господь сотворит необычайное, и Земля разверзнет уста свои и поглотит их и всё что в них, и они живы, сойдут в преисподнюю: то знайте, люди сии презрели Господа. Теперь расходитесь по шатрам своим.

– А вы приходите, завтра утром в скинию, будете возносить молебен Господу, – сказал он Корею и сообщникам его.

Народ послушал месиаха и стал расходиться. Когда у шатра никого не осталось, кроме нескольких верных слуг его.

– Зайдите в шатер Моисея, – приказал нам Аарон.

Мы уселись в шатре, и я, оглядев всех, кто остался верен Моисею, вздохнул. Десять человек, столько нас было. Каждый из нас готов был пойти на смерть за Моисея. Но что может горстка против огромной толпы?

Аарон сказал:

– Эта ночь будет для всех нас беспокойной. От того как мы всё устроим, зависит жизнь наша и то за кем пойдёт народ израильтев: за вероотступниками, или за нами истинными слугами Господа нашего. Теперь же возьмите мечи свои и идите в скинию.

Скиния – дом Господа нашего. Столбы, огораживающие шатёр, образуют двор скинии. Называется этот двор – хацер. Сто двадцать локтей в длину и шестьдесят в ширину. Таков он хацер. Стены хацера – шестьдесят столбов окованных снизу медью. Столбы занавешены покрывалами. Сама скиния находится в западной части хацера. Каркас её сбит из досок, обложенных золотом и покрытых покрывалом. Скиния разделена на две части большая часть называется Святая святых – Кодеш кадашим, а маленькая комнатка, Святилище – Кодеш.

За все годы нашего скитания мы столько раз разбирали и собирали скинию! Сколько? Знает один Господь, да Моисей, который отмечает в свитках своих все наши стоянки. Сборкой и переноской скинии занимались левиты. И в эту ночь мы, десять верных слуг Моисея, из колена левитова, провели в скинии.

На рассвете людской гомон возвестил, что народ израильтев собрался. Аарон велел нам находиться в Святилище, строго настрого запретив высовываться оттуда, но я всё же вылез из Кадеша, и прополз к выходу из скинии.

Ох, и огромная толпа собралась у ворот хацера! Стоял там Аарон, одетый в свои священные одежды. Первосвященник в роскошном одеянии внушал благоговейный ужас оборванцам, столпившимся подле него. Перед Аароном стояли Корей, Авирон и Дафон с домочадцами своими мужского пола.

Моисей говорил, что для славы и благолепия, надлежит первосвященнику иметь роскошные одежды. Так повелел Господь!

Коханим был облачён в эфод – голубую, шерстяную ткань, прошитую золотыми нитями. На эфод накинута нагрудник, который зовётся «наперсник судный». С эфодом он соединялся золотыми цепочками, в которые вделаны золотые гнёзда. В гнездах тех вставлены драгоценные камни, числом двенадцать, по количеству родов – колен народа Израильева.

Ночью, когда мы сидели в шатре Моисея, первосвященник напутствовал нас:

– Заговорщиков что соберутся утром у скинии нужно убить. Сделать это необходимо быстро. Потому распределите главарей между собой. Ты Иексей, убьешь Корей. Элксай, должен умертвить Дафона ...

Аарон перечислял, кто и кого должен убить, а я не слушал его. Грусть и боль каменной глыбой навалились на меня. Корей с детских лет был моим другом. Теперь же он мой главный враг. Это его должен убить я, в исполнения своего долга. Тяжко бремя моё, и много о чём размышлял я в эту ночь. Была она самая длинная в моей жизни. Однако всему приходит конец, и кроваво-красное солнце возшло над каменистой пустыней.

Десять верных слуг Моисеевых притаились в скинии, сжимая в руках мечи и боевые топоры. За ночь мы вырыли в Кодеш кадашим огромную яму, и укрыли её тонкими шестами. Ждали мы и тряслись от страха пред тем, что предстояло свершить нам.

С наступлением рассвета собрался народ израильтев у скинии. Впереди всех шли, Корей, Авирон и Дафон, в белых одеждах, с кадилами в руках. Пришли они с сыновьями своими.

Корей первым вошёл в скинию, за ним все остальные. Мы же укрылись в Святилище. Месах – шерстяная ткань закрывавшая вход в скинию, укрывала заговорщиков от взора толпы. Стояли они в нерешительности. Лишь тонкая ткань, что зовётся парохет, отделяла Святая святых от Святилища, а нас от заговорщиков. Корей меж тем стал озиаться вокруг. Вероятно, он почувствовал, что в скинии они не одни. Медлить больше было нельзя, и я шагнул вперёд. Корей смотрел на меня широко раскрытыми глазами, взгляд его был прикован к моему топору.

– Иексей, друг мой, что ты?! – лепетал он, пятясь назад.

Он повернулся, намереваясь выскочить из скинии. В два прыжка я подскочил к нему, и с размаху, ударил лезвием топора по затылку. Корей охнул и попытался сделать ещё шаг. Я вновь ударил его, и упал Корей. Я же бил его топором снова и снова. Слезы душили меня,

хотелось орать в голос. Но нельзя! Убивали мы, молча, в полной тишине. Жертвы были так ошеломлены нашим появлением, что не могли кричать.

Трупы заговорщиков мы скинули в глубокую яму, что вырыли для них, а потом подожгли. После чего покинули скинию.

Когда никого не осталось в скинии, кроме мёртвых. Тогда Аарон возвестил людям:

– Узрите люди! Земля закачалась и раздалась под ногами заговорщиков. Разверзлась огромная пропасть! И провалились они в гиену огненную! Вот что ждёт каждого, кто возмутится против Моисея! Гиена огненная поглотит каждого!

Толпа двинулась к скинии. Увидев в яме, Корея с товарищами, горящих в огне, люди ринулись прочь. Люди бежали, сбивая, и давя друг друга. Великое смятение произошло в это утро среди нашего народа.

Мы делали своё дело, убивая родственников заговорщиков. К исходу дня никого не было в живых из родов Корея, Дафона и Авирона. Ни малых, ни старых. Сделал своё кровавое дело, вернулся я в шатёр свой и положил топор в плетёный из прутьев короб.

Ночь опустилась на лагерь, и темно было вокруг. Люди были так напуганы, что не зажигали огня. Лишь у ворот скинии горел костёр. Около него сидел Элксай и корпел над глиняной табличкой

– Тяжело мне, – пожаловался я брату. – Словно огромный камень придавил меня. Как я мог убить друга?!

– Ты сделал то, что должно было тебе сделать – кивнул Элксай, не отрывая головы от глиняной таблички – Корей возмутил народ супротив Моисея, за то и пострадал. Не ты убил его, длань Господня покарала его. Запомни это! И так будет со всяким, кто дерзнёт выступить против дела и веры нашей! И не печалься о сделанном Иексей. Дело наше угодно Господу. Не забывай, какую клятву мы принесли Диа Волу – Богу Волу. Нашему богу!

Я же утерев слёзы, посмотрев в темноту ночи, сказал:

– Тяжело и черно на душе моей!

Слёзы текли из глаз моих, всё лицо было влажно от них.

Глава 8

Открыл я глаза уже при свете дня. Лицо моё было мокро от слёз, а душа словно сжата клещами. Повернув голову, увидел Тимофея, мирно посапывающего в кресле. Да это мне всё приснилось! Но до чего же страшный сон!

С тяжёлой головой я встал с постели. Взглянул на часы. Оказалось, что проспал я почти весь свой выходной. Время уже три часа дня. Ну и ладно, зато отдохнул.

Я поплёлся на кухню, и услышал за спиной дробный топот, Тимофей, проспав моё пробуждение, рванул за мной.

Накладывая в миску «Виска-с», я выговаривал коту:

– И как это ты утро проспал?! Не разбудил!

Не удостоил меня ответом Тимофей, а лишь тёрся о мою ногу, поторапливая с завтраком, точнее с обедом.

Поев, я отправился в гараж. Решил съездить к тётке в гости. Надо хоть раз в году навещать родственников, но в машине меня ждал сюрприз. Бензобак оказался пуст. Как же так? Я ведь вчера вечером заправлялся! А может, нет? Совсем с головой непорядок. Не помню, что вчера было. Ну да ладно, в багажнике лежит канистра с бензином.

Однако снова сюрприз! Канистра так же оказалась пуста. Положив её на место, я увидел на дне багажника туристический топорик. Откуда он взялся? Наверное, лежит с августа, когда на природе, я с сослуживцами отмечал мой день рождения. Однако странно, почему я его до сих пор не видел? Хотя тут так же ничего удивительного нет.

Попробую пояснить: как-то, будучи на дежурстве, довелось мне расследовать квартирный грабёж. Хозяин квартиры познакомился в магазине с двумя криминальными личностями, и по широте души своей, пригласил их домой. Весь день он поил их водкой, да не рассчитав сил, уснул. Гости не стали нарушать покой хозяина. Тихо пошарили кругом, прихватив кое-какие вещички, решили покинуть гостеприимную квартиру. Понятное дело, хозяин, увидев гостей набивших баулы его вещами, стал высказывать неудовольствие. Те в ответ, отделали его как Аллах черепаху, и, прихватив с собой только телевизор «Фунай», удалились.

Бедолага соврал жене, что неизвестные грабители ворвались в квартиру, избили его и похитили телевизор, утаив естественно, что сам пригласил их в гости. Мне не составило труда заставить хозяина рассказать всю правду. Но вот беда, в этот район он переехал недавно и никого не знал. Гости его имён своих так же не называли. Лишь однажды в разговоре мелькнула кличка одного из них – Карп. Этого мне было достаточно.

Лёха Карпов спяну туго соображал, разглядывая меня на пороге своей квартиры. Оттеснив его, я прошёл в комнату. Кратко изложив ему, суть дела, нарисовал безрадостную перспективу сесть на десять лет за квартирный грабёж. На столе у Карпова стояла дюжина пустых водочных бутылок, и телевизор «Фунай», накрытый покрывалом.

Так уж устроена моя голова, что я, разглядев этикетку каждой бутылки, в упор не видел телевизора!

Первой эту мою странность ещё детстве заметила матушка. Она таскала меня по окулистам, а эскулапы хором отвечали, что у меня стопроцентное зрение. Не могла понять мама, что дело в моих мозгах, а не в глазах.

Я, глядя на телевизор, и не замечая его, требовал у Карпова сказать, куда он его девал. Тот был немного обескуражен. Наконец в пьяном Лёхином мозгу, что-то щёлкнуло, и он заорал: «Я понял! Ты хочешь, что бы я написал явку с повинной. Я согласен».

«Явка это хорошо, – кивнул я. – Но где телевизор?»

«Вот он», – торжественно кивнул на стол Карпов.

Только сейчас я заметил «Фунай». В глубоком изумлении, принял я от Карпова явку с повинной. Так что чему удивляться?! Мог я месяц не замечать топорика в своём багажнике. Ну что ж не получилось съездить к тётке, пойду домой и проведу вечер у телевизора.

Едва я переступил порог своей квартиры, как зазвонил телефон, это был Велесов.

– Игорь Дмитриевич не могли бы вы сейчас же прийти ко мне? – не здороваясь, спросил он.

Не похоже это на вежливого Владимира Семёновича.

– А что случилось? – спросил я.

– Вы что не знаете что за день сегодня?

– Девятое сентября.

– Я не о числе спрашиваю, – вздохнул Велесов. – Вы новости слушали?

– Нет, я проспал почти весь день. А что случилось?

– Сегодня рано утром убит Алексей Герш.

И снова жали сердце моё клещами, такая же боль как давеча утром после тяжёлого и страшного сна. Снова тяжесть навалилась на плечи мои.

Спустя час я сидел в кабинете Велесова. Молчим. Выпили по стакану водки, помянув Герша, а нужных слов не находится.

– Владимир Семёнович, вам известны обстоятельства убийства отца Герша? – наконец нарушаю я молчание.

– Да, – кивнул Велесов. – Как только утром я по радио услышал об убийстве, сразу связался со знакомыми в Москве. Вот что мне удалось узнать: сегодня в 6.40 утра, Алексей Герш спешил на электричку. Она отходила от платформы Семхоз, что неподалёку от Загорска. Отец Герш направлялся на воскресную службу. Двое убийц ждали его в густых зарослях, что растут вдоль асфальтовой дорожки, ведущей к платформе. Когда Алексей Герш прошел мимо, преступники направились следом. За тем один из них нанёс удар топором по голове священника. От удара Алексей Герш упал. Кровь его забрызгала траву. Падая, он выронил портфель.

Один из преступников поднял портфель, пошарил в нём и бросил на землю. Потом они быстро проследовали на платформу. Злоумышленники вели себя так естественно, что даже поприветствовали одного сонного мужика. Никто из людей, стоявших на платформе, не обратил на них внимания. Все смотрели на подходившую из Загорска электричку. Вскоре все стали садиться в неё. Впоследствии никто не мог пояснить, сели ли убийцы в электричку, или нет.

После удара отец Герш был ещё жив. Поднявшись, он искал свой портфель, а когда нашел, отправился домой. Умер он около своей калитки, на руках у жены.

Уже имеются два подозреваемых. Первый: сосед Геннадий Бобриков, ранее судим. Он уже сознался в содеянном, но путается в показаниях. По-пьянке говорит, совершил убийство. Однако не может пояснить, где он ждал отца Герша, и как наносил удар. Да и самого топора найти не удалось.

Второй подозреваемый – Иван Сомов, то же ранее судим за хулиганство. Говорит, что убил отца Герша по ошибке. Принял его за обидчика, который днём раньше выкинул Сомова из электрички.

Предъявил Сомов и топор, которым якобы ударил отца Герша. Но на его топоре нет даже микрочастиц крови отца Герша, да и места преступления Сомов так же указать не мог

– Преступление это резонансное, так что убийцу найдут быстро, – ответил я, допивая водку. – Тем более есть два подозреваемых, а шероховатости, во время следствия устроят.

– К сожалению, вынужден с вами согласиться, – вздохнул Велесов. – К тому же сотрудники милиции показали себя не с лучшей стороны в этом деле.

– То есть? – не понял я.

– Вскоре после нападения на отца Герша, его увидели две женщины. Они бросились к соседней платформе, у которой находились двое сотрудников милиции. Женщины сообщили

им, о том, что видели мужчину в крови. Милиционеры ответили, что это их не касается, так как у них другое дело: ищут сумочку сбитой поездом женщины. Как видите, сотрудники милиции были рядом, и могли бы задержать убийцу, но свои служебные обязанности они не выполнили.

– Ну, тем более, – кивнул я. – Сомов или Бобриков будут осуждены за убийство отца Герша, а раз убийца было двое, не исключено, что осуждены, будут оба

– Как это не кощунственно звучит, но смерть отца Герша закономерный итог последних лет его жизни.

– Объясните Владимир Семёнович. Я вас не понял.

– Охотно, – кивнул Велесов. – Понимаете, Алексей Герш, прежде всего проповедник. Он нёс Слово Божье по мере сил среди простых людей. Роль его в популяризации идей Церкви огромна. Политика нашего государства была направлена против Церкви, и по этой причине книги Алексея Герша печатались в Бельгии.

Так уж вышло, что постепенно Герш стал преклоняться перед Западом, а точнее перед Католической церковью. По существу, он превратился в агента католицизма в православной России, что уж совсем было немислимо. Герш стал действовать против Русской православной церкви. Авторитет отца Герша очень велик, именно поэтому и вред от его действий огромен.

Вот по этой причине трагическая смерть отца Герша – закономерная точка в делах его. Однако убийство великий грех.

– Это уж точно, – вздохнул я, и разлил остатки водки.

Велесов осушил стакан, и продолжил:

– Смерть Алексея Герша поставила точку на очередном этапе нашей жизни. Горбачёв со своей перестройкой окончательно довёл страну до краха. Вскоре всё рухнет, и Советский Союз рассыплется на черепки как глиняный горшок. Одна из причин краха, наше преклонение перед Западом. Газеты, телевидение, только и талдычат, что всё у нас плохо, а вот на Западе...

Наши доморощенные диссиденты раньше шептались на кухне, а сейчас, орут во всю глотку, охаявая страну в которой родились.

И рассмеявшись, Велесов продолжил:

– В сущности, наше преклонение перед Западом началось ещё во времена Киевской Руси. В XII веке, когда с востока на Русь вторгся Батый, с запада шёл Тевтонский орден. По существу тевтонцы участвовали в крестовом походе против православия. Батый не убивал тех, кто не оказывал ему сопротивления, а тевтонцы вешали всех. Крови они пролили значительно больше чем монголы. Тем незачем было уничтожать русских, степняки не могли жить в лесистой Руси. Монголы стремились заключить союз с Киевской Русью.

Союз этот был выгоден и монголам, и русским. Тевтонцам же нужны были земли Руси, а самих русских они намеревались частью обратить в католицизм, а часть уничтожить.

Александр Невский прекрасно осознавал, что с запада Руси грозит гибель, и потому пошёл на союз с Батыем. Но были у Невского и оппоненты, которые и тогда преклонялись перед Западом. Одним из них был князь Михаил Черниговский.

Этот князь хотел заключить союз с папой Иннокентием IV. То, что католики – тевтонцы вешают православных с разрешения папы, ничуть не смущало князя Михаила. Велика беда, повесили сотню смердов!

Михаил Черниговский выступил против Невского, но того поддержал Батый, и князь Михаил бежал в Венгрию. Он подговаривал католиков напасть на монголов и русских. Однако слишком силён на Западе был страх перед Батыем.

К тому же Михаил Черниговский не имел реальной силы, и западные правители не воспринимали его в серьёз. Обиженный пренебрежением к своей персоне, князь вернулся к себе в Чернигов. Он предполагал, что Батый не узнает о его кознях, но у монголов везде имелись лазутчики, и хан был информирован о происках князя Михаила.

Когда Михаил Черниговский прибыл в стан Батыя, хан высказал ему претензии по поводу неблагоприятных деяний. Черниговский стал отпираться. Тогда хан предложил князю испытание. Михаил должен был пройти между двумя кострами, а монгольские колдуны по поведению огня скажут, врёт князь или нет. Михаил от данной процедуры отказался, тем самым подтвердил обвинения Батыя, за что и был казнён.

Александр Невский в союзе с Батыем по существу встал на защиту земли Русской, а действия князя Черниговского как раз были против своего народа. Но оба князя: и Александр Невский, и Михаил Черниговский были причислены к лику святых. Православной церковью был канонизирован Михаил Черниговский выступавший против православных русских. Чудеса!

Сейчас у нас нет такой сильной личности как Александр Невский, и Горбачёв доведёт развал страны до конца. Я не удивлюсь, что спустя какое-то время Горбачёва признают спасителем земли Русской. Но вот от кого?

– Вы нарисовали мрачную перспективу, – вздохнул я.

– Нет, реальную картину! – покачал головой Велесов. – Всё пойдёт своим чередом. Те, кто сейчас у власти рвут куски от общей собственности. Кто схватит больше, кто меньше. Когда всё будет разворовано, то прятать богатство по сундукам станет немодно, и как грибы после дождя будут расти у нас великолепные дворцы. Народ же станет смотреть на всё это великолепиие, пить горькую и наливаться лютой злобой.

– А потом бунт?

Велесов вздохнул:

– Надеюсь, до этого не дойдёт. Мы не допустим этого.

– Кто это мы?

– Сильные, активные, думающие люди. Те, кого Лев Гумилёв звал – пассионарии.

Нынешние властители через некоторое время покажут свою несостоятельность. В новых условиях они управлять не смогут, потому, как полностью скомпрометировали себя. Их отодвинут те, кто сейчас ораторствует на митингах, но и они потерпят фиаско. И когда народ полностью извернется во всех политиках, власть возьмём мы. Так что у нас Игорь Дмитриевич хорошие перспективы. Они светлы и красивы как этот рассвет.

Взошедшее солнце прогнало прочь черноту ночи, позолотив листву на деревьях, и осветив горизонт. Рассвет был тих и прекрасен. Хотелось надеяться, что будущее наше такое же безоблачное как этот рассвет.

Глава 9

2 октября 1991 года

, *Казань*

Прошло больше года со времени моего знакомства с Велесовым. Много чего случилось за этот год. Буквально у всех на глазах распадалась великая держава, именуемая Советским Союзом. Со всех кухонь, словно тараканы, в телевизор полезли диссиденты разных мастей. Они с гордостью вещали, что не жалея сил боролись с тиранией, и именно под их напором, Советский Союз вскоре рухнет. Можно не верить в этот бред, но факт остаётся фактом – СССР раскалывается, как глиняный горшок на черепицы.

Стали мы жить в свободной России, но с пустыми прилавками в магазинах. Пропало всё: от спичек до мяса. Часто выступал по телевизору новый экономический гений Егор Гайдар – внук детского писателя. Причмокивая и посвистывая, он рассказывал о грядущей экономической реформе. Вещал туманно и запутано, но хотелось верить – заживём сытной жизнью. Гайдару вторил ещё один новоиспечённый экономический оракул, который подвизался заместителем Анатолия Собчака – питерского градоначальника. Этот рыжий парень с импортной фамилией – Чубайс, увлечённо рассказывал о неэффективности государственного управления экономикой. В его речах мелькало *незнакомое* слово – «приватизация». Что это за чудо такое, объяснял он туманно и заумно. Но смысл всего сказанного был родной и приятный – взять и всё поделить.

Демократы из команды Ельцина бодро пели, что граждане наши ленивы и не разумны, потому как работают на государство, а не на себя. Велесов от таких речей веселился и отпускал, едки комментарии:

– Не зря все-таки Ленин прозвал интеллигенцию «говном нации»! Ещё со времён Огарёва и Герцена, занимались они прожектёрством. Да ещё поносили своё Отечество, кивая на Запад. Пока власть сильна, эти шавки твякают да скулят о тяготах «простого народа», до которого им, кстати, и дела нет. Но стоит власти зашататься, и они как стая голодных шакалов налетают, и рвут всё в клочья. Именно так случилось в семнадцатом году. К власти пришло «говно нации». Жить стало ещё хуже, и всё пошло прахом. Российская империя развалилась на куски. На счастье власть взяли большевики. Они смогли сохранить большую страну от распада.

Но, к сожалению, Ленин до безумия верил в учение Карла Маркса, а учёный еврей Маркс, был плохим экономистом. Как в старом еврейском анекдоте: Карл Маркс – экономист, а Мойша Рабинович – старший экономист.

Скверный экономист Маркс начисто отвергал частную собственность, а без неё родимой никак нельзя. Именно она треклятая, двигает экономику вперёд, потому как порождает инициативу. В конце жизни Ленин признал свою ошибку, и появилась новая экономическая политика, сокращённо НЭП. Но Владимир Ильич умер, а Сталин тоже сильно верил в учение Маркса. Он стал строить государство по своему разумению

– Ну да, загнал полстраны в «зоны», – хмыкнул я.

Велесов вздохнул:

– Ну, скажем не так много, как об этом кричат Солженицын и нынешние демократы, но несправедливостей было много. К сожалению, в то время не получилось по-другому. Человека можно заставить добросовестно работать двумя способами: либо пряник, то есть личная заинтересованность, либо кнут. Пряников в силу марксистского учения Сталин предоставить народу не мог, осталось одно – кнут.

Идеи коммунизма изначально неверны. Во всяком случае, на данном этапе развития человечества. Потому и рухнул Советский Союз. Всё пошло ко дну, и первой на поверхности

оказалась наша интеллигенция. Помните, что сказал о ней Ленин? Она стала бушевать во всю на митингах. И удалось «говну нации» вновь прийти к власти. Вот и нате вам все эти Поповы, Собчаки, любуйтесь ими.

Раньше они всего лишь критиковали, а теперь им пришедшим к власти придётся работать, а этого как раз они и не могут. У номенклатуры, по крайней мере, был опыт управления. Вот увидите, столкнувшись с трудностями, все эти демократы опустятся до банального воровства. Тем более что идут речи о приватизации.

– Нам-то с вами Владимир Семенович, какая разница? – спросил я, беря ферзя (мы играли в шахматы), – демократы воруют или номенклатура тырит, всё мимо. От нас ничего не зависит.

– Вот тут-то Игорь Дмитриевич, вы сильно ошибаетесь, – улыбнулся Велесов. – Россия на своё счастье обладает большим количеством пассионарных личностей.

Нашим бывшим азиатским республикам в этом случае повезло значительно меньше. Они как выразился Лев Гумилёв: «живут в согласии с природой». Потому пассионарии что зарождаются там, выталкиваются из среды и покидают родные края.

– Но наши пассионарии так же уезжают на Запад.

– Вам шах, – ответил Велесов. – Совершенно согласен с вами. Наши пассионарии так же уезжают. Но уровень ментальности россиянина выше, чем у азиатов. Если таджика покинувшего свой аул вполне устроит, что он работает дворником в России. Русскому такая жизнь, где ни – будь на Западе, быстро надоест, а предоставить что-то более стоящее там всем русским не в состоянии. Потому не стоит расстраиваться, градус пассионарности в России всегда будет высок. Всё-таки мы молодая нация!

Наступит время, когда условия станут совсем неблагоприятными, и власть окончательно дискредитирует себя. Вот тогда пассионарная среда выдвинет лидера, который поведёт всех за собой. Так было во времена всех смут, и приходили: Александр Невский, Дмитрий Донской, Минин и Пожарский. Так будет и в нынешнее время.

– Но где гарантия, что лидер этот не будет грести под себя? Начнёт воровать как все вокруг.

– Нет, не будет, – покачал головой Велесов. – Его ментальность не позволит ему поступить так, да и мы не дадим.

– Кто это мы?

– Пассионарии России! Кстати, вам мат Игорь Дмитриевич.

– Ну как всегда! – вздохнул я.

– Не расстраивайтесь. Год назад, когда мы начинали наши шахматные баталии, вы только и могли что фигуры двигать. Сейчас же научились анализировать игру. Ваш уровень сильно вырос. Поверьте, теперь мне с большим трудом удаётся одерживать верх над вами, а я очень хорошо играю. Скоро наступит время, когда я начну вам проигрывать.

– Буду надеяться на это. Но хотелось бы вернуться к прерванной теме, – улыбнулся я. – Что нам делать, пока лидер пенсионариев не появился?

– Делать своё дело.

– Какое?

– Вам ловить преступников, мне лечить больных.

Я хмыкнул:

– Это же наша работа!

– А вы считаете делать хорошо свою работу, этого мало?!

Мой однокурсник по училищу, допился до белой горячки, и с помощью анонимных алкоголиков избавился от своей пагубной привычки. Но как это ему далось! Он ведёт ежедневную борьбу с дьяволом, что сидит в нём и ежесекундно уговаривает выпить. Единственная отдушина – беседы с такими же бедолагами, как и он. Три раза в неделю ходит он в общество ано-

нимных алкоголиков. Как сильно он ждёт этих встреч! Я же без бесед с Велесовым, не могу обойтись.

После отказа от спиртного, не смотря на занятость по службе, я всё же умудрился находить время на спорт, стал ходить в тренажёрный зал, с упоением таскал «железо». Так и текла моя жизнь мерно и размеренно.

Размышляя о жите своем в этот вечер у себя в кабинете, я пялился в потолок. Рабочий день закончился, и мы сидели в ожидании вечернего совещания. Раздался телефонный звонок.

– Оперуполномоченный Добрынин слушает, – отрекомендовался я в трубку.

– Привет, – услышал в трубке женский голос.

– Здравствуйте, – ответил я, лихорадочно соображая, кто это.

– Я вчера в девять часов вечера звонила тебе домой, но ты не брал трубку.

Господи да это же Эгла! Ну, совсем плохой стал, не узнал свою бывшую жену! Впрочем, не мудрено, в последний год мы общаемся крайне редко.

– На свидании был? – допытывалась Эгла.

– Нет, в тренажёрном зале.

– Где? – не поняла жена.

– Ходил в спортивный зал.

– Ну и как успехи?

– Впечатляющие.

– Я рада за тебя, – ответил Эгла.

Впрочем, по её голосу я не чувствовал большой радости. Вероятно, значительного удовольствия Эгле доставило бы известие, что я пьяный валяюсь в сточной канаве.

– Игорь, я вот зачем звоню: поздравь меня, я выхожу замуж! – продолжала меж тем Эгла

– Жених мой, Альберт, работает советником в аппарате президента.

– Ельцина? – механически брякнул я.

– Шаймиева! – возмутилась моей непонятливостью Эгла. – Он меня так любит! Так любит!

– Я очень рад за тебя, – ответил я.

А сказать-то нужно было бы энергичнее! Уныло получилось. Вероятно, грустные интонации в моём голосе уловила и Эгла, потому как тут же утешила:

– Не переживай Игорь, ты тоже найдёшь своё счастье.

– Обязательно, – пообещал я. – Ты позвонила мне, что бы поделиться своей радостью?

– Не совсем, – неуверенно произнесла Эгла.

– Ну, тогда выкладывай, что хочешь?

– Понимаешь, Альбертик слишком ревнив...

– А причём здесь я?! Мы с тобой почти год как не виделись. Общаюсь я только с твоими родителями, когда прихожу к Юльке.

– В этом-то всё и дело! Альбертик из-за твоих визитов может возомнить невесть что!

– Пусть засунет свою ревность в задний проход, Отелло хренов! Я из-за его бредней не собираюсь отказываться от общения с дочерью!

– Я и не говорю об этом, – торопливо заговорила Эгла. – Просто хочу попросить тебя.

– О чём?

– Не звони больше моим родителям. Я сам буду связываться с тобой, и договариваться о встрече с Юлькой.

– Хорошо, – согласился я.

Едва успел положить трубку, как в кабинет, словно бомба влетел Мина.

– Гоша бегом одевайся, поехали! У нас огнестрел.

Спросить я нечего не успел, Минвалиев уже выскочил из кабинета. В коридоре заметное оживление, туда-сюда сновали оперативники. Нервозность эта вполне объяснима. В Москве

и Питере бандитские разборки происходят, чуть ли не каждый день. Братки там с упоением отстреливают коммерсантов и друг друга. Но у нас-то в провинции всё тихо! А теперь эта стрельба и до нас докатилась до нас.

До места я доехал в машине Минвалиева. Как раз успели к отъезду «скорой помощи».

– Прыгай в «скорую», и пока терпилу не увезли на операционный стол, постарайся поболтать с ним, – скомандовал Мина. – И изыми одежду потерпевшего.

Несмотря на протесты врача, я втиснулся в машину с красным крестом. Раненный стонал, медики суетились над ним, а я от безделья прикрыл глаза, и ждал когда доедем до больницы. От того и оторопел когда этот бедолага, перестав стонать, обратился ко мне:

– Добрынин ты что ли? – врач отсел в сторону, и я посмотрел на носилки.

– Эльвар?! – узнал я в потерпевшем своего давнего приятеля. – Вот так встреча!

– А ещё говорят Казань город большой, – слабо улыбнулся Эльвар. – Шагу нельзя ступить, что б ни встретить знакомого.

Я пожал плечами. Что мне было ответить?

– Значит ты теперь в ментовке, – задумчиво продолжал Эльвар.

Знакомы мы с ним с детства. Вместе гоняли голубей, лазали по крышам. Эльвар был на два года младше меня. Вообще-то его зовут Ильвир, но имя какое-то девчачье, и он переделал его в Эльвар. Когда я поступил в танковое училище, потерял его из виду. Теперь вот вместе едем на «скорой», причём приятель мой в роли потерпевшего.

– Как тебя угораздило? – спросил я.

– А предупреждали дурака, не играй в карты, коли колода не твоя, – вяло усмехнулся Эльвар. – Не послушал, банк сорвать хотел. Вот теперь и расплачиваюсь.

– Может, подскажешь, кто стрелял в тебя?

– А зачем? Что бы сукой прослыть, – снова улыбнулся Эльвар. – Объявят так, век не отмоешься. Ладно, если помру, с мертвого и спрос невелик. А выживу? Нет, уж лучше помолчу.

В больнице Эльвара сразу повезли в операционную, а я отправился на поиски телефона.

– Тебе приказано оставаться там, пока около потерпевшего не выставят охрану, – «обрадовал» меня Валерка Шмонов.

Как выяснилось, убийца поджидал Эльвара у его гаража. Когда тот направился к дому, киллер выстрелил ему два раза в спину. Однако нападавший оказался никудышным стрелком, и промахнулся. Эльвар бросился бежать, убийца следом, стреляя на ходу.

В общей сложности, он сделал семь выстрелов, последний в подъезде. После чего скрылся. Эльвар же дополз до ближайшей двери, попросил вызвать «скорую». Всё это я узнал от оперативного дежурного.

Хирург, делавший операцию, забросал меня медицинскими терминами. Из речи его я понял лишь выражение: «состояние средней тяжести». Видимо эскулап обратил внимание на мою растерянную физиономию, и сочувственно улыбнувшись, продолжил:

– Всё это будет отражено в справке, которую вам выпишут. Я же хочу обратить ваше внимание вот на что: при осмотре, я обнаружил на теле потерпевшего множественные гематомы.

– В подъезде Эльвар падал на ступени, – ответил я.

– Судя по цвету гематом, получены они были три-четыре дня тому назад, – покачал головой хирург. – Вероятнее всего, этого парня били. И как выразились наши классики: «возможно даже ногами».

Вскоре подъехала и охрана, Шергин со своим напарником, я же прихватив одежду Эльвара, отправился восвояси.

«Что же это получается: несколько дней назад Эльвара попинали, а теперь решили вразумить более действенным способом?» – размышлял я, шагая по лесопосадке к трамвайной остановке.

До отдела я добрался в двенадцать часов ночи. Забросив пакет с вещами в дежурку, я сел в свою «девятку», и подумав немного, поехал в травм пункт.

В журнале производственного травматизма имелась запись: «Осмолов Ильвир Ринатович: множественные гематомы туловища. Упал со строительных лесов на овощной базе «Джонатан» 28 сентября 1991 года». Если бы Эльвар сказал, что его избили, врачи тотчас же сообщили бы в милицию. А так, упал с лесов, и взятки гладки.

Для очистки совести, я ещё раз более внимательно полистал криминальный журнал, и наткнулся на интересную запись: «Хуснутдинов Дамир Гилязович. Сибирский тракт 16-52, замдиректора овощной базы «Джонатан»

Диагноз: закрытый перелом 3 рёбер. 30 сентября 1991 г. избит неизвестными у дома. Направлен в КНИТО*»¹⁰

– Понимаешь Тимофей, – болтал я дома с котом, расстилая постель, – Эльвар падает с лесов в «Джонатане», а спустя два дня, замдиректора этой базы лупят у дома неизвестные. Наверное, что бы лучше следил за техникой безопасности. А если серьёзно: совпадение это или нет?

Тимофей царапал когтями кресло, на котором сидел, и подталкивал лапой «Библию». Она упала на пол, обложкой вверх.

– Ну и что ты этим хочешь сказать?

– Мяс-уу! – возмутился моей недогадливостью Тимофей.

Я поднял Библию и прочитал: «Ищите и обрящите; стучите, и отворят вам».

– Ну, хорошо, завтра и поищем, – я положил Библию на журнальный столик и лёг спать.

¹⁰ КНИТО – Казанский научный институт травматологической ортопедии.

Глава 10

«Ищите и обрящите; стучите, и отворят вам», – эта святая фраза подействовала на Мину как лик с иконы на беса парнокопытного. Поморщился, он, и перстом поправив очки на носу, молвил:

– Ты дело говори, а не талдычь как поп на проповеди!

С этого и начался мой доклад.

Утром прямо из дома я позвонил Минвалиеву и попросил разрешение проверить одну версию. Он дал добро, и заявил, что заслушивание по покушению на Эльвара будет проводить после моего возвращения.

Первым делом я нанёс визит в КНИТО, к Хуснутдинову. Посмотрев на моё удостоверение, замдиректора овоще базы поморщился.

– Не понимаю, зачем нужно два раза приезжать по одному и тому же делу, – с кислым видом заявил он. – Я уже писал милиционеру, который был тут, что претензий ни к кому не имею. Подрался по пьянке и никого не помню.

– Врачи в травм пункте не сделали отметку об алкоголе, – сказал я.

– Они просто не почувствовали запаха от меня, – хмуро ответил Хуснутдинов.

Ничего не добившись, я решил побеседовать с лечащим врачом, просто, для очистки совести, а выходя из ординаторской, увидел интересную картину. Мне даже пришлось прижаться к стене, что б остаться незамеченным.

К Хуснутдинову пришли посетители, мужчина и женщина. Дама, судя по тому, как вела себя, была женой Хуснутдинова, а её спутник оказался личностью интересной – Виктор Шаманский, по кличке «Шаман».

Поговаривали что он смотрящий на «Адельке» – улице Аделя Кутуя. Впрочем, всё это мог быть пустой трёп пьяных «синяков», который к делу не подошьешь. В сухом же остатке остаётся: у Шамана две ходки в зону, за грабёж и разбой. Ныне он владелец автомастерской.

Что же такую криминальную личность связывает с беднягой Хуснутдиновым? Решив пока не ломать над этим голову, я поехал к Эльвару.

Приятелю моему продырявили шкуру в трёх местах, но судя по всему, большого вреда не причинили. Эльвар лежал на кровати и хрумкал яблоко.

– Кушаем яблоко сорта «Джонатан»? – сказал я вместо приветствия.

– Какие принесли, такие и ем, – ответил Эльвар. – Хочешь?

– Нет спасибо, – замотал я головой. – Грех объедать больного.

– Кстати, – продолжал я. – «Джонатан» ещё зовётся и овощная база. Зам директором там некто Хуснутдинов. Случаем не он тебе яблочки подогнал?

– Не знаю я, кто это такой, – ответил Эльвар, но яблоко есть перестал.

Его взгляд заметался, а душа моя затрепетала. Наверное, так же чувствует себя охотничья собака почуявшая след.

– Хотя нет, Хуснутдинов не мог, – продолжал я, искоса поглядывая на Эльвара. – Он сейчас в другой больнице. Я только что от него. Ему Шаман тоже яблочки привёз.

И тут меня понесло. Я заливался соловьём, даже не удосужившись посмотреть на Эльвара, а лицо у того стало землисто-серым.

– Чего ты хочешь? – выдавил он через силу.

– Эльвар, я помочь тебе хочу, – наконец-то я заметил перемену на его физиономии.

– Ты Игорь очень сильно мне помогаешь, – грустно усмехнулся Эльвар. – Верёвку уже намылил. Осталось подсобить на табуретку влезть, что б в петлю сподручнее было сигать.

Однажды в Афганистане, мой батальон стоял в оцеплении. Делали «зачистку» кишлака. Я сидел на броне и изнывал от безделья. Поодаль бегали бродячие собаки, и я стал стрелять

по ним. Пулей я перебил позвоночник одной псине. Спрыгнув с «брони», я решил добить её. Когда я подошёл к несчастному животному, собака так посмотрела на меня! Столько боли и мучений было в её взгляде, что прямо там, я дал себе клятву, никогда больше не стрелять по животным. Точно так же смотрел на меня Эльвар.

– Уходи, – сказал он медленно. Потом добавил: – Пожалуйста.

Минут пять я сидел в машине, и, размышляя, много ли я напакостил, ведя, таким образом, разговор с Эльваром.

«Что сделано, то сделано, назад не воротишь», – подвёл я итог своим деяниям, и поехал в отдел.

На совещании у Мины, я разливался соловьём:

– Неправедной жизнью живёт Эльвар, а ведь сказано же пророком Мухаммедом: «Поистине, правдивость приводит к благочестию, а благочестие приводит в рай». Эльвар же далеко не благочестив, – этими словами я и закончил рассказ о своих утренних изысканиях.

– Ну вот, начал как поп, а закончил как мулла, – вздохнул Минвалиев. – Словно здесь не кабинет начальника уголовного розыска, а молеальный дом какой-то. Но излагал ты Добрынин красиво, ничего не скажешь. Возникают вопросы: Эльвара с Шаманским связать можно, оба гопники, к тому же «аделевские». Но причём тут Хуснутдинов? Он с ними не одного поля ягода.

Протерев очки, Мина продолжил:

– А связь какая-то есть, я это чувствую. Вот это следует установить, и желательно сегодня. Меня по делу Эльвара уже из УВД теребят. Требуют результат.

– И как мы эту связь устанавливать будем? – спросил я.

– Элементарно! – Мина откинулся на спинку стула. – Устроим шмон в «Джонатане».

– Что мы искать будем? – не унимался я.

– Эх, Добрынин! – рассмеялся Мина. – Это тебе не цитатами из Корана сыпать. Тут думать надо. Мы ни чего искать не будем. Этим займётся ОБХСС,¹¹ а ты и Анискин поедете с мешочниками¹² и будете шнырять по овощной базе как мыши, в поисках результата.

– Какого результата? – уныло спросил Анискин.

– «Ищите и обрящите», – иезуитски ухмыльнулся Мина. – А не найдёте... Сегодня у нас третья, так?

– Ну, – чувствуя недоброе, протянул Анискин.

– Не будет результата, Добрынин и Анискин, будут дежурить пятого октября.

– За что?! – взалкали мы хором как мученики из города Гоморры.

Пятое октября – день уголовного розыска. Нет ничего хуже, оказаться дежурным в этот день. Все празднуют, а ты работаешь.

Давать указания типа, ищи то, не знаю что, легко. Вот выполнять трудно! Часа полтора мы с Анискиным неприкаянно бродили по территории овощной базы, а всё без толку. В отчаянии я поднялся в контору, что бы позвонить Минвалиеву. Хотел сказать, что ничего мы здесь не найдём, но Мины на месте не оказалось.

В конторе сидела толстая тётка лет пятидесяти и шелестела ведомостями. Она искоса поглядывала на меня, пока я накручивал телефонный диск.

– И вправду говорят, что милиция всякой ерундой занимается, вместо дела, – сказала дама, словно разговаривая сама с собой.

– Это вы про сегодняшнюю проверку? – поинтересовался я.

– А хоть бы и так! – с вызовом ответила та.

¹¹ ОБХСС – отдел по борьбе с хищением социалистической собственности.

¹² Мешочники – шутовое прозвище оперативников ОБХСС.

– Данный вопрос к моему начальству, – ответил я, положив телефонную трубку. – А чем, по-вашему, нам надо заниматься?

– А он не знает! – зло сказала моя собеседница. – Хулиганы совсем распоясались! Нашего замдиректора у дома чуть не до смерти избили, а один даже сюда повадился, и тут хулиганил.

– И что ему надо было?

– А это вы у него спросите, – усмехнулась тётка. – Вы же у нас милиция.

– Обязательно, – кивну я. – Если вы мне расскажите обо всём по порядку.

– Только я ничего подписывать не буду, – быстро ответила тётка.

– А я ничего писать и не собираюсь. Беседа наша носит строго конфиденциальный характер. Так что не бойтесь, о ней никто не узнает.

С минуту поколебавшись, тётка начала рассказывать:

– Двадцать пятого сентября это было. Засиделась я с квартальным отчётом. В конторе уже никого не было, кроме Дамира Гилязовича.

У меня забилось сердце – Хуснутдинов! Но вида я не подал, а лишь равнодушно спросил:

– А кто это?

– Наш заместитель директора. Ну, так вот. Он в своём кабинете сидит, а я у себя. И тут вижу, парень какой-то в кабинет к Дамир Гилязовичу проскользнул. Я своим делом занята, мало ли кто здесь ходит. Но парень стал громко орать: « Не уйдёшь по-хорошему, порвём на куски! Мы здесь хозяева! Наше тут всё!». Я уже хотела милицию вызвать. Но парень выскочил из кабинета, крикнув: «Подумай! Хорошо подумай!» – и скрылся. После этого Дамира Гилязовича избили. Вот чем вам заниматься надо! А вы тут на базе проверки устраиваете.

Достав из кармана фотографии Шамана и Эльвара, я спросил:

– Узнаете, кого ни будь из них?

– Так вы всё знаете! – всплеснула руками тётка. – И фотографии с собой принесли.

– Историю со скандалом я слышу впервые. Эти двое, дороги моему сердцу, вот и ношу их портреты с собой. Ну, так кто из них приходил к Хуснутдинову?

– Вот он, – тётка указала на Эльвара. – А этот здесь и не причём. Это Витя, муж нашего юриста, Лены Саватеевой. Зачем Вите с Дамир Гилязовичем ругаться?!

Я кивнул на фотографию Эльвара:

– Этот тип больше у вас не появлялся?

– Не видела, – вздохнула тётка. – Хотя постоит! Двадцать восьмого числа, после работы я на трамвай спешила, а этот около ворот стоял.

И тут женщина всплеснула руками:

– Я ведь только сейчас вспомнила! Витя всегда за Леной на машине приезжал, а в этот день Лена со мной на трамвай села. Но Витя-то в конторе был! Зачем он остался?

– Припомните, пожалуйста, точно, когда это было?

– Двадцать восьмого.

В самом деле, интересно. В это день Шаман почему-то не повёз жену домой, а Эльвар упал со строительных лесов. Думая о превратностях судьбы, спускался я по крутой, конторской лестнице. Внизу, подбоченясь, стоял Анискин.

– Ну и где ты шляешься? – накинулся он на меня. – Я всю базу оббегал, разыскивая тебя.

– О судьбах людских размышлял, – вздохнул я.

– Чего?! – не понял тот.

– Ты Олег не обращай внимание. Зачем я тебе понадобился?

– На одном из складов «мешочники» нашли бухчёную водку. Завсклада пояснил, что это его водка. Задумал, говорит жениться, вот по дешёвке и прикупил водяры. Но не это главное.

– А что же?

– Погоняло у него, – Волчонок.

– Твой знакомый?

– До прихода в группу по-тяжким, я зональным опером был. Улица Губкина, посёлок Царицыно – это моя «зона». А группировка, которая контролирует там всё – «осьмушка». Волчонок как раз из «осьмушинских» будет. Он три месяца назад откинулся из зоны, и уже завскладом здесь работает. Но это ещё не всё. Снабженцем тут ещё один «осьмушенский» – Игорь Носков, погоняло «Сапог».

– Интересно, – протянул я. – Эти двое «осьмушинские», а Эльвар и Шаман «аделевские». К тому же Эльвар приходил угрожать зам директору базы.

– Пока ничего не ясно, – согласился Олег.

– Здесь мы вряд ли ещё чего выясним, – сказал я. – Привезут Волчонка с Сапогом в отдел, потолкуем с ними. Давай я тебя до отдела довезу, а сам съезжу кое-куда.

Едва увидев меня, физиономия у Хуснутдинова стала кислой, словно он лимон проглотил.

– Зачастили вы что-то ко мне, – уныло вздохнул он.

– Приходиться ноги топтать, коли вы не желаете всей правды рассказать.

– В прошлый раз я вам говорил, что не знаю тех, кто избил меня.

– Согласен, – кивнул я. – Вряд ли вы их знаете. Но вы не сказали всей правды, заявив, что, избивли вас в ходе ссоры. Вы утаили, что на вас было нападение.

– С чего это вы взяли? – угрюмо спросил Хуснутдинов.

– Тем не менее, это так. Недавно приходил к вам с угрозами некто гражданин Осмолов, в определённых кругах известный под кличкой Эльвар. Он угрожал вам.

– Проболталась Аннушка, – усмехнулся Хуснутдинов. – А ведь просил же...

– Так что же требовал Эльвар?

– А ничего! Пришёл, стал хамить. Я его выгнал, и больше не видел.

– Так уж и не видели?!

– Клянусь вам!

– А вот с клятвой, поосторожнее Дамир Гилязович. Казус может получиться.

– А что может выйти?

– Скверно как-то всё получается. Двадцать пятого сентября к вам с угрозами приходит Эльвар, тридцатого сентября вас избивают, а второго октября Эльвара расстреливают у собственного дома.

– Ну и что?!

– А то Дамир Гилязович, что возникают подозрения в том, что вы являетесь заказчиком покушения на Эльвара. К стати вы обманули меня, заявив, что больше Эльвара не видели. Он приходил к вам ещё раз. Что вы на это скажете?

Хуснутдинов молчал. Топтался с ноги на ногу, и молчал

– Курить хочется, – наконец выдавил он. – Здесь нельзя. Пойдемте на лестницу. Там и поговорим.

– Всё началось с месяц назад, когда к нам на базу пришел новый директор – прикуривая сигарету, начал Хуснутдинов – Начались придирки. Ну, дело обычное, не приглянулся я ему. Но я особо-то не переживал. Думал, притрёмся друг к другу. Да не тут-то было. Директор предложил мне написать заявление по собственному желанию. Но я в торге не первый год, поговорил с кем надо и директора прижали.

Хуснутдинов затянулся сигаретой и продолжил:

– Я успокоился, да видно зря. Заявился ко мне этот самый Эльвар. После я попросил своего знакомого, Виктора Шаманского, поговорить с Эльваром. Они, оказывается, знают друг друга.

– Где состоялся разговор?

– Да прямо у меня в кабинете. Побил Виктор этого Эльвара. Потом сказал, что бояться мне нечего, а через два дня меня самого избили. Но вряд ли Виктор из-за меня будет расстреливать Эльвара.

– В этом мы разберёмся, – кивнул я. – А сейчас мне необходимо взять с вас письменное объяснение всего того что вы только что рассказали.

– Валяйте, – вздохнул Хуснутдинов.

Зри в корень – учил незабвенный Козьма Прутков. И если зырить туда, куда учил Козьма, то получается следующее: Эльвар способен так сказать «побазарить по-пацански» с Хуснутдиновым. Но для чего? Не того пошиба Эльвар, что бы иметь свой интерес на овоще базе. Пойдём далее: Шаман избил Эльвара, и этого было вполне достаточно, что бы Эльвар не лез больше на базу. Но в того ещё и стреляли, значит всё очень серьёзно. А если это так, то в деле солидные люди.

Однако может беднягу Эльвара продырявили по другому поводу? Во всём надо разбираться, и поехал я к своему дому, точнее в пивнушку с красивым названием «Кафе Сирень», что находится в моём доме.

Гул, стоящий в пивном баре, словно ватой закладывал уши. Возле барной стойки обычное столпотворение. Люди что бы добыть живительную жидкость, давя друг друга, лезут к заветной стойке по головам.

За самым крайним столом сидели пацаны с улицы «Гвардейской», лениво потягивая пиво. Этим толкаться не надо, пивник обслужит без очереди.

К ним я и направил свои стопы. С краю сидел щупленький, чернявый паренёк. Он-то мне и нужен.

– Клячкин будь другом купи мне пива, а то там не протолкнуться, – попросил я его, здороваясь со всей честной компанией.

– Тоже мне нашёл проблему, – осклабился Клячкин. – Пивник менту и за столик пиво принесёт.

– Неудобно Альберт своим служебным положением пользоваться, – вздохнул я – Вот возьми трояк, купи, пожалуйста, пиво, и помоги мне пропить эти деньги.

– Это мы с превеликим удовольствием, – осклабился Клячкин.

– Ну и славно! Я тебя вон за тем столиком у окна буду ждать. Там вроде рож знакомых нет.

Едва я успел разместиться, как подошёл Клячкин, исхитрившийся принести сразу шесть кружек пива.

– Гош только я тебя сразу предупредить хочу, – сказал он, ставя пиво на стол. – Ты меня сразу спрашивай, что тебя интересует, а то я уже порядочно набрался. Ещё пару кружек хлопну и хреновину нести начну.

– А приятели твои не предьявят, что с ментом базаришь?

– Кто мне что скажет?! – ухмыльнулся Клячкин. – А если ляпнет, какой балбес. Я ему поясню: лучше иметь мента кентом, чем кента ментом. А ты не раз меня с кичи вытаскивал.

– Ну, коли ты такой сознательный, скажи, что о нападении на Эльвара болтают?

– Никто толком ничего не знает, – Клячкин осушил пол кружки. – Сам Эльвар, недавно проговорился мне, что крутого заварил. Базарил, что семейник¹³ его по четвёрке¹⁴ большую делюгу предложил. Хвалился, дескать, скоро он будет в шоколаде. Видать не врал, крутым стал, раз в подъезде подстрелили.

После четырёх кружек пива, в отдел пришлось добираться пешком.

– Не рановато ли пивком решил побаловаться? – спросил Мина, потягивая носом воздух

¹³ Семейник – член группировки осужденных в местах лишения свободы.

¹⁴ Четвёрка – исправительно-трудовая колония № 4.

– Исключительно для пользы дела, – ответил я, усаживаясь на стул.

– Пил бы лучше водку, – Минвалиев поправил пальцем сползшие на нос очки. – От пива только поссал, а кайфа никакого.

– Не удовольствия ради, а токмо для выяснения истины! – воскликнул я.

И тут же выложил всё что узнал. Пока говорил, Мина вертел в руках очки, когда я закончил, водрузил их на нос, и констатировал:

– Не зря ты пиво попил. Ну а «семейника» Эльвара мы легко вычислим.

После семи часов вечера зарядил унылый, осенний дождик. Стоя на крыльце отдела, я проклинал выпитое пиво, из-за которого не смог сесть за руль. Но делать нечего, поеду на трамвае. В это время кто-то позвал меня:

– Игорь! Добрынин! Садись в машину, подвезу до дому.

Голос незнакомый. Кричали из светлой «Волги», что стояла в метрах десяти. Подойдя к машине, я узнал водителя. Под дождём идти домой не хотелось, и я сел в машину.

– Вот уж не ожидал Александр Иванович, что вы проявите сердечность к милиционеру, и даже выступите в роли его водителя, – сказал я здороваясь.

– Ну, положим, не милиционера я спасаю от дождя, а старого знакомого, – ответил тот.

Он был прав. Сашка Яшин знал меня, наверное, с пелёнок. Наши матери были подругами ещё с юности. Частенько его мать прибегала к нам с маленьким Сашкой, прятаться от кулаков пьяного мужа.

Сашка на семь лет старше меня. Пока наши матери пили чай на кухне, и обсуждали свою жизнь, Сашка играл со мной и Вовкой, моим братом. Потом он загремел на малолетку, и завертела его судьба по тюрьмам да по зонам. Сашка теперь имел, погоняло – Яшка, и стал совсем «засижиным». В зонах, он считался, «порядочным¹⁵», и дорос до «положенца», величины в криминальных кругах не малой. Поговаривали, что его вскоре собираются короновать в «законники».

– Много работы вижу у ментов, раз до вечера сидишь, – усмехнулся Сашка, и неожиданно сменил тему, – Игорь ты на могилке у матери давно был?

– В мае, – вздохнул я.

– А я на прошлой неделе заезжал. В жизни, наши матери были подругами, и могилы их рядом. Я твоей матери живых цветов на могилу положил.

– Спасибо.

– Зачастил я в последнее время на кладбище, – сказал Сашка. Он засмеялся и добавил: – Привыкать пора к нему.

– Мрачно шутишь.

– Прав ты, хватит о грустном, – усмехнулся Яшка. – Живые должны думать о живых. Я стороной слышал, что ты Гоша ищешь супостатов, которые Эльвара подстрелили?

– Допустим.

– А тут нечего допускать. Коли так и есть, – кивнул Яшка. – Только зря вы на овощную базу полезли. Не с того конца начали.

– Ты мне хочешь совет дать, где искать человека стрелявшего в Эльвара?

– Это пусть депутаты в Госсовете раздают советы, а я помочь могу. Шепну, где этих татей искать.

– А что за совет попросишь?

– Оставь людишек в покое, – посмотрел на меня Яшка. – Волчонка с Сапогом, за здорово живёшь, на кичу определили. А промежду прочим, Волчонок ту водку себе на свадьбу приготовил! Ну да бог с ними, разберётесь и по закону с пацанами поступите. Но я не понимаю, ты-то Игорь чего гоношишься?

¹⁵ Порядочный – (уголовный жаргон). Уголовник, строго придерживающийся воровских традиций.

– Ты о чём?

– Не прикидывайся глупее танка. Ты хоть и танкист, но разумом тебя господь не обидел. Потому прошу тебя, не лезь в «Джонатан». Не тревожь людей, почём зря, а я подскажу, где искать тех, кто в Эльвара стрелял.

– Вот когда скажешь, тогда и решим, – я развёл руками. – Пока говорить не о чём?

– Ну а сейчас что решим? Ты не сказал: «Да».

Мы подъехали к моему дому. Я вышел из машины, и, подойдя со стороны водителя, нагнувшись к Яшке, сказал:

– Но и не сказал: «Нет».

– Понятно, – кивнул Яшка. – При своих хочешь остаться. Ну, гляди Игорь, я хотел как лучше.

– До свидания Александр Иванович.

– Пока, – ответил Яшка, и тронулся с места.

Пока мы ехали, дождь стих, ветер разогнал тучи. На небе засеребрился месяц, яркими точками светились звёзды. Одна из них сорвавшись с небосклона, покатила в низ, а за ней другая.

«Эх, жаль не успел желание загадать!» – подумал я. И тут брызнул целый сноп из звёзд. Я глядел на этот звездопад и восхищался: «Ух, красота-то, какая! Сколько ж звёзд покатило вниз!»

– Гляди! Гляди Лаван, ещё одна упала! – раздался звонкий девичий голос.

И пропали куда-то пятиэтажки, а лишь были странные одноэтажные домики на какой-то возвышенности.

Глава 11

Сколько же звёзд покатилося вниз! Они ярким потоком сыпались в чёрную пустоту ночи.
– Гляди! Гляди Лаван, ещё одна упала – раздался звонкий, девичий голос.

Рядом со мной сидит девушка. Говорят, самая красивая из всех девиц, живущих в Ершалаиме. У неё светлые вьющиеся волосы, белая кожа и огромные голубые глаза. Девушка, подняв голову, всё смотрит на тёмный небосвод, а оттуда скатилась ещё одна звезда.

– Смотри, звёзды падают на Череп! – радостно кричит девушка.

Череп – название скалы, что находится за городскими стенами Ершалаима. По-арамейски звучит – «Голгофа».

– Вот бы сейчас там оказаться, и посмотреть, как красиво падают звёзды!

– Яна, глупая ты девица, что ты такое говоришь! – от негодования я даже всплеснул руками. – Не один честный человек не выйдет ночью за стены города! Там же полным-полно разбойников! А ты жалеешь, что не оказалась ночью на Голгофе!

– Это ты глупый мальчишка, – рассмеялась Яна. – Все разбойники сидят сейчас дома у своих очагов. Что им делать в это время на Голгофе? Нет там никого.

– Никого говоришь! – меня даже затрясло от её глупости. – Ты что забыла! В прошлом месяце горшечник Ефраим в эту пору возвращался домой. На него напали разбойники Амарам, Эмазер и главарь их Фоломей. Они отобрали у бедного Ефраима осла и одежду его. Вернулся он в город, бос и наг.

– Но этих разбойников поймали, и распяли на крестах там же на Голгофе, – не унималась Яна.

– А их души остались там! – в ужасе воскликнул я. – Подумай, сколько разбойников распяты на Голгофе! И души их все там. Тёмными ночами они бродят по горе.

– Велика беда! – не унималась Яна. – Что может сделать мертвец живому человеку. А тебе, с твоей силой и живых разбойников бояться незачем. Я же помню как этот дурачок Елизар, наш сосед, вздумал мериться с тобой силой.

Яна рассмеялась:

– Как ты швырнул его на землю! Он полдня лежал на земле и охал. Жаловался, что ты его покалечил.

Я тоже захохотал, вспомнив это, а потом, подумав немного, сказал со вздохом:

– Давид был намного меньше и слабее Голиафа, но убил его. Всё потому что у Давида была праща. Что может сделать сильный, но безоружный человек против вооружённого разбойника?!

– Если ты всегда будешь внимателен, и когда потребуется держать кинжал под рукой, тебе никто не будет страшен.

– Не пойму я Яна, куда ты клонишь! Хочешь прямо сейчас отправиться на Голгофу?!

– Глупый, никуда я не хочу, – рассмеялась Яна. – Ты посмотри, какая красота кругом! Ночь была прекрасна. Мы с Яной сидели на крыше сарая и любовались этой красотой.

– Вот они куда взобрались! – раздался внизу негодующий голос.

Там подперев руки в бока, стояла старая Фамарь, наша служанка.

– Постыдилась бы бесстыдница! Сидишь с голым мужчиной! – возмущалась она.

Эта ночь была очень тёплой, и я на крыше сидел в одном нижнем белье – хлопковых штанах и рубашке, а у нас иудеев, считается, что в этом случае, я голый.

– Какой же это мужчина! – рассмеялась Яна. – Это Лаван, мой брат.

– Взгляните на этих двух недотёп! – продолжала ругаться Фамарь. – Сидят на крыше как две вороны и на луну пялятся. И не до чего им дела нет.

– Что ты кричишь на весь Ершалаим?! – ответила Яна. – Тебя даже во дворце Ирода слышно!

– А как же мне быть?! – старуха всплеснула руками. – В доме нашем гость. Я сбиваюсь с ног подавая угощения, а ты Яна, вместо того что бы помочь мне, на сарае сидишь.

– Не ругайся милая Фамарь, сейчас я помогу тебе.

Яна быстро спустилась по лестнице, обняв старуху, сказала:

– Ничего, вдвоём мы быстро управимся.

Старуха вмиг смягчилась, и ответила:

– Да я уже всё сама сделала. Пойдём в дом.

Мы с Яной живём в доме нашего деда Савла. Человек он уважаемый и не бедный, потому и дом наш двухэтажный. Горица (так зовётся гостевая комната), у нас находится на втором этаже, туда я и поднялся.

Дед возлежал на клине (невысокое ложе) которое стояло у трапезы (низкого столика), напротив него, на другом клине расположился гость. Войдя в комнату, я встал у стены. Яна, накинув на голову белый платок, принесла большое глиняное блюдо с дымящейся бараниной

– Как выросли внуки твои Савл, – сказал гость, преломив хлеб и обмакнув его в мясной соус. – Яна настолько прекрасна, что вряд ли в Ершалаиме найдётся девица краше её. Такие светлые волосы и белая кожа столь редки в наших краях, а Лаван стал самым настоящим силачом. Тебе Савл следует присматривать за ним, а то заманит его вербовщик в иудейский легион. Римляне любят брать туда таких молодцов.

– Яна и Лаван, единственная услада, горечи моих преклонных лет, – со вздохом ответил дед. – Ефрем, единственный сын мой, по делам ездил в Сирию. Там в Хомсе, на невольничьем рынке он и увидел Мирину. Она из дикого племени венедов. Люди этого племени славятся светлой кожей. Яна очень похожа на мать, такие же светлые волосы и голубые глаза, а Лаван родился похожим на своего отца. Такой же сильный, каким был Ефрем. Когда сын привёл в дом Мирину, я думал, будет у нас служанка, а, оказалось, выбрал Ефрем жену себе. Полюбил он эту девицу из племени варваров. Я же хотел, что бы он взял жену из нашего племени. Мы из колена левитова, и должны заботиться о чистоте рода. Но Ефрем был непреклонен, а я от любви к сыну проявил слабость. Впрочем несколько не жалею об этом. Мирина родила мне прекрасных внуков.

– Ты Савл поступил мудро, не противившись воле сына, – ответил гость.

– Согласен с тобой Иедида, – рассмеялся дед. – Теперь-то я вижу, что получилось из любви моего сына.

Помолчав немного, дед вздохнул:

– Бедный мой сын.

– Ты можешь гордиться им, – сказал Иедида. – Твой сын погиб как воин, с оружием в руках. Лучшие сыны нашего народа сложили головы в битве с легионерами Валерия Грата. И Ефрем был среди них.

– Как не горько мне говорить это, но должен возразить тебе – покачал головой Савл – Смерть Ефрема и других была напрасна.

– Не понимаю тебя Савл! – изумился гость.

– Что ж попытаюсь тебе объяснить всё по порядку, – ответил дед, – Ефрем, был истинным левитом. Потому дело наше считал превыше жизни своей. Пятнадцать лет назад Ефрем стал зелотом – то есть борцом за свободу нашей Иудеи. Но тогда в рядах зелотов стали появляться люди, которые стали призывать взять немедленно в руки оружие и подняться на борьбу с Римом. Звались они сикарии, то есть кинжальщики. Любили носить они кинжалы под своими одеждами, которые частенько пускали вход против римлян, да и тех, кого считали их пособниками. Сикариев необходимо было взять под контроль, и Елизар вступил в их ряды. Вскоре он стал уважаемым человеком среди кинжальщиков. Казалось нам, что сикарии будут подвластны

воле нашей. Однако случилось непредвиденное – объявился Иуда сын Изекии, тот самый, что некогда во главе разбойников разорял страну нашу, и был разбит царём Иродом.

Савл отпил вина из кубка:

– Тогда он бежал и скрывался. После смерти Ирода, обрядился в одежды защитника веры и свободы Иудеи. Вскоре Иуда собрал огромную толпу. Они ворвались в царские арсеналы. Вооружившись, выступили против немногочисленных отрядов римских легионеров. Большинство сикариев пошли за Иудой. Уже тогда я знал, чем всё это кончится, и убеждал Ефрема не следовать за ними. Но сын отвечал, что должен быть вместе с товарищами, и если суждено будет погибнуть, то умрёт он вместе с ними. Проконсул Иудеи – Валерий Грат направил две когорты легионеров против Иуды. Тот дрогнул и бежал, следом за ним побежало и войско его. Но осталась горстка храбрецов.

Вздыхнул дед, утирая слёзы, а потом продолжил:

– Они дали бой легионерам. Среди них был и Ефрем. Эти смельчаки полегли от мечей легионеров. Мирина же, узнав о смерти мужа, стала чахнуть, и вскоре умерла, оставив детей сиротами.

Помолчав, дед подвёл итог:

– Говорю тебе Иедидиа, смерть сына и его товарищей была напрасна. Рим крепок, и сейчас копьём его не возьмёшь.

– Что же нам делать? – спросил Иедидиа. – Бог предрёк левитам, что через правителей, будут они повелевать народами. А золото не всегда может помочь нам в этом.

– Да мы бессильны, – кивнул дед. – Мы иудеи, Богом избранный народ, в разброде как овцы без пастыря. Как можем мы повелевать другими, коли, нет меж нами согласия? Пока это невозможно. Нам нужен мессия, за которым пошёл бы народ. Но со времён Моисея нет того, кто смог бы стать им. После смерти Моисея, словно светильник угас, и бродит народ израильтев впотьмах, а мы левиты не в силах собрать его.

– Не всё так плохо Савл, – улыбнулся гость. – Левиты зажгут ещё светильник веры, и слетятся на тот свет миллионы, а мы будем повелевать ими.

– Я не уразумею речей твоих Иедидиа.

– Ты всё поймёшь, если выслушаешь мою историю: есть в кумранской пустыне община благочестивых иудеев. Сами себя они зовут ессеями, что значит – «чистые». Потому как вера и помыслы их чисты. Жизнь в общине сурова. Не едят они изысканных кушаний, не проявляют интерес к одежде, проповедуют бедность. Есеи не пьют вина, а только воду. Изнуряют себя постами и молитвами. Основал общину есеев двести лет назад, человек по имени Цадок. Единоверцы звали его: «Учителем Праведности».

– Я знаю про Цадока, – кивнул Савл, обмакнув кусок мяса в соус. – Он жил при царе Ионафане из династии Хасмонидов

– Да это так, – кивнул головой Иедидиа. – Учитель Праведности порицал царя Ионафана, за то, что он возложил на себя сан первосвященника. Но выступал он также против богословов-тумаимов, обвиняя их во лжи. Цадок в своих проповедях порицал тумаймов, заявляя, что наживаются они на людской вере в Бога. Призывал Цадок даже отложиться от Торы. По приказу царя, Цадока схватили и судили. Ионафан повелел распять Цадока. На судилище присутствовал служитель ершалаимского Храма по имени Сеул, он же предсказал, что пройдёт 165 лет и придёт новый Учитель Праведности.

– Это всего лишь красивая легенда, – вздохнул Савл. – Я слышал её, и тебе не было нужды рассказывать её

– Не совсем так, – улыбнулся Иедидиа, – я рассказал тебе это предание для того, что бы от тебя не ускользнула нить моего замысла. Я продолжаю, недавно я побывал в общине есеев. Познакомился там с Иешуа из Назарета.

– Не тот ли это Иешуа, сын плотника и прачки?

– Тот самый, – кивнул головой Иедида.

– О нём ходит молва людская, – в задумчивости сказал дед. Потом он неожиданно расмеялся и продолжил: – Слышал я, что мать этого самого Иешуа, будучи девицей, согрешила с римским легионером Пандирой. Она понесла от него. За прелюбодеяние её должны были побить камнями. Спас эту девицу назорейский священник Гершон. Он уговорил старика Иосифа взять в жёны Марию.

– Согласен, – кивнул гость, – но речь сейчас не об этом. Беседуя со мной, Иешуа намекал, что душа Учителя Праведности переселилось в его тело, и он может повторить путь Цадока. Тогда скажут о нём: «... и будешь предан ты Первосвященнику и осудят тебя на смерть и предадут язычникам». Смерть не пугает Иешуа, если будет она во имя народа нашего. Было это три года назад. Вскоре после нашей встречи, Иешуа отравился проповедовать, и у него появились ученики. Теперь же, он с общиной своей пришёл в Ершалаим.

– И это очень плохо для нас.

– Не понимаю тебя Савл! – от удивления, Иедида даже присел на клине.

– Нам левитам завещано, повелевать всем миром, а для этого нам нужно управлять Римом. Потому нам необходимо копить золото!

– Но золото не поможет нам достичь этих целей! – ответил гость.

– Ну почему же нет?! – усмехнулся Савл. – Рим любит блеск золота, а Иешуа из Назареи может сильно навредить нам.

– Каким образом?

– Он необычайно умён, и людям нравится слушать его проповеди, – пояснил Савл. Он откусил кусок мяса и продолжил: – А то, что смерть не пугает Иешуа и вовсе наводит на меня тоску.

– Я не понимаю тебя Савл! – вздохнул гость.

– В своих проповедях Иешуа призывает раздать золото Храма бедным. Вот в чём главная опасность этого Иешуа! Золото нам нужно для захвата Рима.

– Только что, ты говорил, что Рим нам не взять, а сейчас говоришь о подчинении Рима. Как уразуметь речи твои?

– Что ж объясню тебе, – Савл наполнил кубки вином и отпил из своего кубка. – Рим величайшая империя и живут в ней сотни разных народов и племён. У всех свои боги. Сенат Рима мудро решил, разрешив провинциям жить по своим обычаям и верованиям. По своим законам живёт и наша Иудея. Есть у нас свой сенат – Синедрион, и мы единственная провинция Рима, которая чеканит свои деньги – секели. Как известно тебе, один секель равен двадцати римским динариям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.